

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Трухан Дарья Владимировна

**«РОЛЬ СИСТЕМЫ САНКИН КОТАЙ В ЯПОНИИ ЭПОХИ
ТОКУГАВА (1603-1868 ГОДЫ)»**

Направление: 41.04.03 «Востоковедение и африканистика»

Магистерская диссертация

(Профиль: *История народов Азии и Африки*)

Научный руководитель: *к.и.н. Османов Е.М.*

Рецензент: *к.и.н. Сеницын А.Ю.*

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Основные особенности системы <i>санкин ко:тай</i>.....	10
1.1 Краткая история развития системы.....	11
1.2 Цели создания системы.....	20
1.3. Временные рамки санкин и ко:тай.....	23
1.4 Состав и внешний вид процессии.....	33
1.5 Дорога до Эдо и обратно.....	39
Глава 2. Роль системы в экономическом развитии Японии.....	45
2.1 Влияние на финансовое состояние княжеств.....	45
2.2 Влияние системы на развитие дорожно-транспортной системы Японии.....	51
2.3 Роль системы в процессах урбанизации в эпоху Токугава.....	59
2.3 Влияние системы на общую экономическую ситуацию в Японии.....	65
Глава 3. Функциональность системы в политической жизни.....	70
3.1 Роль системы на высшем государственном уровне.....	70
3.2 Процессии даймё как способ демонстрации власти.....	79
3.3 Взгляды современников на систему.....	84
Заключение.....	94
Список использованных источников и литературы.....	99
Приложения.....	106

Введение.

На протяжении жизни любого государства перед центральной властью рано или поздно встает вопрос о том, как наиболее эффективно контролировать периферийные территории и предотвратить возможные бунты и сепаратистские настроения в тех частях страны, которые наиболее к этому склонны в виду организации государства или исторических причин. Особенно остро данный вопрос стоит в государствах, основанных на феодальных отношениях между главой государства и управителях периферийных территорий, какой бы титул они не носили. Наиболее простым способом контроля таких правителей является установление с ними более тесных связей и постоянный контроль их деятельности. Способ этот использовался практически во всех государствах, однако, в каждом из них присутствовали некоторые особенности, характерные для той или иной страны. Так, в IX - первой половине XII века императоры Священной Римской империи после вступления на престол практиковали «объезд провинций и областей, как это было в обычае королей». Во время данного объезда правители каждой из провинций выказывали правителю свое почтение и давали присягу в верности. Однако, подобные путешествия государя не ограничивались лишь временем вступления на престол, для Германского государства того периода регулярные переезды короля из домена в домен являлись методом организации управления государством.¹ Подобный способ контроля местной знати так же был характерен для Марокко на протяжении XVII и XIX веков: король постоянно перемещался по государству, и его мобильность была центральным элементом его власти.²

Система *санкин ко:тай* по сути являлась тем же способом контроля, что и в двух приведенных выше примерах, однако, здесь ключевой стала

¹ Колесницкий Н.Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии (IX - первая половина XII века). М.: Издание МОПИ, 1959. С.86-87.

² Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2008. p.15.

мобильность не верховного правителя, но местной знати. Сила и власть сёгуна проявлялась не в его перемещениях по стране, а в способности заставить перемещаться удельных князей. В отличие от иных государств, в Японии система *санкин ко:тай* вышла за рамки обычаев, соблюдавшихся испокон веков, получила официальное законодательное оформление и стала пониматься как прямой долг князей по отношению к государству.

Официально система функционировала 226 лет – с 1635 по 1862, и являлась базисом, на котором была построена вся политика контроля *бакуфу* фактически автономных княжеств-*хан*. За все время ее существования не было проведено ни одной сколько-нибудь значимой реформы, единственное вмешательство в организацию системы было проведено в 1722 году и носило временный характер, реформа же 1862 года стала, по сути, завершением функционирования системы.

Система вводилась в качестве политической меры контроля, однако, со временем она приобретала все больше функций и оказывала все более сильное влияние на все сферы жизни Японии эпохи Токугава, в первую очередь, на экономику. Многие экономические и политические процессы в Японии того времени так или иначе связаны с данной системой, потому изучение самой системы и ее влияния на развитие тех или иных областей представляет собой определенную научную ценность.

Данная тема практически не изучена в российской исторической науке, кроме того, следует отметить, что в большинстве российских работ, посвященных истории Японии эпохи Токугава (А.Е. Жуков³, Н.Ф. Лещенко⁴) система *санкин ко:тай* именуется системой заложничества, что имеет под собой определенные основания, но, все же, является неверным. Практика содержания жен и наследников в столице действительно является одной из частей данной системы, однако, не единственной и не крупнейшей ее частью.

³ Жуков А.Е. История Японии. Том 2. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 13

⁴ Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт+, 2010. С. 90

Основной составляющей системы являлось именно посещение столицы князьями (*санкин*), которые осуществлялись ими посменно (*ко:тай*) в соответствии с определенными циклами.

Цель данной работы состоит в изучении роли системы *санкин ко:тай* и ее влияния на экономическую и политическую историю Японии эпохи Токугава.

Задачи:

-Определить основные особенности системы *санкин ко:тай* и схему ее функционирования.

-Установить роль системы *санкин ко:тай* в экономическом развитии Японии эпохи Токугава.

-Изучить функциональность системы попеременных посещений столицы в политической жизни страны.

В настоящей работе использованы следующие методы исторического исследования:

-Описательно-повествовательный (передача характера изучаемого предмета и последовательности исторических событий);

-Сравнительно-исторический (выявление сущностно-содержательной характеристики изучаемого, аналогий и определение исторических типологий) ;

-Ретроспективный (установление цепи причинно-следственных связей исторических событий);

Работа включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения. В первой главе рассматриваются основные особенности системы *санкин ко:тай*,

регламентирующие ее законодательные акты, цели учреждения и изменения системы на протяжении ее функционирования. Вторая глава работы посвящена рассмотрению влияния системы на экономику Японии эпохи Токугава как на локальном уровне, то есть в каждом княжестве, так и на общегосударственном. В третьей главе изучается роль системы как политического ритуала и инструмента управления периферийными территориями, а так же ее влияние на общий политический климат государства и оценка системы современниками.

При написании диссертации использовались работы отечественных, западных и японских исследователей, посвященные политической истории Японии периода Токугава, развитию ее экономики за данный период, а так же становлении системы *санкин ко:тай* и рассмотрению отдельных особенностей ее функционирования. Поскольку, как уже упоминалось выше, в российской науке данная тема практически не разработана, работа базируется, прежде всего, на западных и японских исследованиях.

Основными источниками при написании данной работы выступили «Кодекс военных домов» от 1615, перевод которого представлен в книге Г.И. Подпаловой,⁵ выдержки более поздних его редакций, представленных в работе Ватанабэ Ё:ко⁶, а так же воспоминания немногочисленных европейских путешественников, посещавших Японию во времена эпохи Токугава, собранные и изданные в трех томах в 1854 году в Санкт-Петербурге.⁷ Особый интерес представляет первый том.

⁵ Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII - начале XVIII вв. М.: Изд-во восточной литературы ИВЛ, 1960.

⁶ Ватанабэ Ё:ко. *Санкин ко:тай-ни цуитэ*// Катё: хакубуцукангаку кэнкю: (О системе *санкин ко:тай* //Исследования по музеологии колледжа Катё:) №.5.Токио, 1998.

⁷ Зибольд Ф. Путешествие по Японии или Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношениях. Том 1. Издание А.А. Плюшара в типографии А. Дмитриева. Санкт-Петербург: Типография А. Дмитриева, 1854.

В Японии ведущими исследователями системы *Санкин ко:тай* являются историки Маруяма Ясунари,⁸ Ямамото Фумио и Тю:да Тосио. Монографии последних «*Санкинко:тай до:тю:ки – Кага-хан сирё:-о ёму*» и «*Санкин ко:тай*», к сожалению отыскать не удалось, однако их отсутствие компенсировано использованием ряда статей, базировавшихся на данных исследованиях – это работы Ватанабэ Ёко, Канэмаки Нобуаки,⁹ Хаякава Акио,¹⁰ К.Н. Вапориса,¹¹ и др.

Крупнейшими работами англоязычных исследователей являются монография Т.Г. Цукахира¹² и книга К.Н. Вапориса.¹³ Работа Т.Г. Цукахира позволила изучить влияние системы на локальную экономику княжеств и восприятие системы ведущими мыслителями эпохи Токугава. Работа К.Н. Вапориса во многом посвящена влиянию системы на культуру Японии, однако вместе с тем в его работе представлены ценнейшие материалы из княжества Тоса, хранящиеся в Архиве сокровищ рода Ямаути из Тоса и Префектуральной библиотеке Ко:ти.

Данные по осуществлению и некоторым аспектам системы *санкин ко:тай* в других княжествах получены из работ Уэда Риса,¹⁴ Курумида Хироки¹⁵ и др.

⁸ Маруяма Ясунари. *Санкин ко:тайсэй-но ко:дзо то ко:цу: (1): соно собё:// Ко:цу:си кэнкю:.* (Структура системы санкин ко:тай и дорожно-транспортное сообщение (1): наброски// Исследования по истории дорожно-транспортного сообщения) №.15. Токио, 1986.

⁹ Канэмаки Нобуаки. *Фукуи-но санкин ко:тай-ни кансуру кисо-гэки ко:сацу//Нара сигаку* (Основные размышления о *санкин ко:тай* в Фукуи//Историческая наука Нара) №.29. Нара, 2011.

¹⁰ Хаякава Акио. *Санкин ко:тай-но нэрай-ва: «Санкин ко:тай»-но дзюгё:-ни окэру рю:итэн //Кё:ику кэнкю: кикё:* (Цель *санкин ко:тай*: Моменты, которые стоит принять во внимание на занятиях по «*санкин ко:тай*» // Ученые записки института исследований в области образования) №.16. Косигая, 2007.

¹¹ Vaporis C.N. *Lordly Pageantry: The Daimyo Procession and Political Authority/ Japan Review* №. 17 — International Research Centre for Japanese Studies, National Institute for the Humanities, 2005.

¹² Tsukahira, T.G. *Feudal control in Tokugawa Japan: The sankin kōtai system.* Cambridge MA: Harvard University Press, 1966.

¹³ Vaporis C.N. *Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan.*

¹⁴ Уэда Риса. *Увадзима Датэ-ка-но санкин ко:тай (Санкин ко:тай дома Датэ из Увадзима)* URL: <http://www.city.uwajima.chime.jp/www/contents/1150209642062/html/common/other/4e570333030.pdf> (дата обращения 15.04.2013)

¹⁵ Курумида Хироки. *Тоттори-хан-но санкин ко:тай-ни кансуру со:кэй-гэки кэнкю: //Тоттори кэнрицу хакубуцукан кэнкю: хо:коку* (Итоговое исследование по *санкин ко:тай* в княжестве Тоттори//Доклады исследований префектурального музея Тоттори) №. 42. Тоттори, 2005.

Для рассмотрения влияния системы *санкин ко:тай* на общую экономическую ситуацию Японии в целом использовался ряд работ экономической направленности авторов Л.С. Робертса,¹⁶ Д.С. Шелдона,¹⁷ Г.Р. Саксонхауса,¹⁸ К.Вигена,¹⁹ Хиро: Итикава²⁰ и др.

Для изучения роли системы в политическом процессе Японии эпохи Токугава использованы работы Комада Кота,²¹ Цутида Кадзумити,²² Эномото Хироаки,²³ Кё Касэй,²⁴ Дж. Р. МакЭван²⁵ и др.

¹⁶ Roberts L. S. Mercantilism in a Japanese Domain: The Merchant Origins of Economic Nationalism in 18th-Century Tosa. Cambridge : Cambridge University press, 2002.

¹⁷ Sheldon C.D. 'Pre-Modern' Merchants and Modernization in Japan//Modern Asian Studies, Vol. 5, №. 3, Cambridge : Cambridge University press, 1971.

¹⁸ Saxonhouse G.R. The Stability of Megaorganizations: The Tokugawa State.//Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, Vol. 151, №. 4 — Tübingen: Mohr Siebeck GmbH & Co. KG, 1995.

¹⁹Wigen, K. The Making of a Japan Periphery, 1750-1920. Berkeley: University of California Press, 1995.

²⁰ Ichicawa, H. The Evolutionary Process of Urban Form in Edo/Tokyo to 1900// The Town Planning Review, Vol. 65, No. 2 Liverpool University Press , 1994.

²¹ Комада Ко:та. *Санкин ко:тай* сэйдо-но иги//Нихон гакусин киё: (Значение системы *санкин ко:тай*//Ученые записки Японской Академии наук) №. 52(3). Токио, 1998.

²² Цутида Кадзумити. Бакумацу *санкин ко:тай*-сэй канва ни миру *бакуфу* кэнрёку но сиццуи//Комадзава сигаку (Утрата *бакуфу* политической силы, проявившаяся в смягчении системы *санкин ко:тай* в период Бакумацу// Историческая наука Комадзава) №.22. Токио, 1975.

²³ Эномото Хироаки. Бункю:-но *санкин ко:тай* канва то бакуфэй кайкаку-ни цуитэ// хо:гаку симпо: (О смягчении *санкин ко:тай* в эру Бункю: и реформе правительства *бакуфу*//Новые известия по юриспруденции) №. 121(1). Токио, 2014.

²⁴ Кё Касэй. Огю: Сорай но «Сэйдан» то «Кэнроку» ни цуитэ - буси дотяку-рон то соно хаикэй-ни ару кики исики// Васэда дайгаку дайгакуин бунгаку кэнкю:ка киё: (О Сэйдан и Кэнроку Огю Сорай: теория оседлости воинов-буси и осознание кризиса на ее фоне//Ученые записки по исследованию литературы аспирантуры университета Васэда) №. 58. Токио, 2012

²⁵ McEwan J. R. The political writings of Ogyū Sorai. Cambridge : Cambridge University press, 1969.

Глава 1. Основные особенности системы *санкин ко:тай*.

Термин «*санкин ко:тай*» в современной историографии принято записывать «*参勤交代*», что переводится как «поочередное прибытие на службу», однако, в японской историографии принято разделять его на два понятия: «*санкин*» - прибытие на службу и «*ко:тай*», который в данном контексте несет смысл «*кикоку*» (帰国 - возвращение на родину), то есть, возвращение князя в свой удел. В тексте законов прибытие удельных князей в Эдо так же обозначается термином «*сампу*» (参府 – прибытие в столицу). Отбытие князя из Эдо обозначалось словом «*оитома*» (御暇).²⁶ Так же следует упомянуть, что наряду с наиболее распространенным способом именования системы «*参勤交代*», используются «*参観*» и «*交替*», читающиеся как *санкин* и *ко:тай* соответственно. Интересно отметить иероглиф «*観*» (*мамиэру*), который переводится как «получать аудиенцию у вышестоящего лица», в данном случае, сёгуна. Это отражает эволюцию самой системы: изначально *санкин* подразумевал не посещение *даймё* столицы ради службы (*勤める - цутомэру*), а ради получения аудиенции у сёгуна. Считается, что иероглиф был изменен вследствие ошибки переписчиков. В настоящее время иероглиф «*観*» не является частью иероглифического минимума, потому повсеместное распространение получил именно вариант «*参勤交代*».

Как будет подробно разъяснено ниже, японский термин *санкин ко:тай* является куда более объемным и многогранным по сравнению с его переводом на русский и английские языки. Под понятием *ко:тай*, «смена», подразумевается не только попеременное пребывание групп *даймё* в столице, но одновременное попеременное их пребывание на местах, а так же,

²⁶ Интересно отметить, что в современном японском языке данное слово имеет два значения: возвращение домой после визита и уход с работы. В данном случае, одновременно используются оба его значения.

зачастую, попеременное пребывание в своем уделе действующего князя и его официального наследника.

1.1 Краткая история развития системы.

Первое упоминание системы *санкин ко:тай* восходит к 1-му году Гэнва (1615), когда в кодекс «*Букэ сёхатто*»²⁷ была включена статья о необходимости всем *даймё* являться на аудиенцию сёгуну. Однако, настоящее ее оформление произошло в 12-ом году Канъэй (1635) когда в 21 день 6-го месяца все *даймё* были созваны в Эдо, где им зачитали дополненный «Кодекс военных домов», в котором визиты *санкин* в Эдо систематизировались и официально утверждались в качестве обязанности *даймё*. Сразу после оглашения данного указа 26 князей, среди которых был удельный правитель крупнейшего княжества Кага, отправились в свои уделы, а остальные 56 *даймё* остались в Эдо.²⁸

Однако, нечто похожее на систему *санкин ко:тай*, пусть и не оформленное законодательным образом, существовало уже с 1602 года, а истоки самой системы можно проследить и с более раннего времени. На протяжении предыдущих эпох вассалы сёгуна были обязаны периодически приезжать ко двору с различными целями: получить право на строительство на своей территории, осуществить ту или иную службу или просто выказать почтение правителю. Во время *Камакура бакуфу* (1192—1333) существовала такая должность как *баньяку* (番役), которую часто именуют *Камакура баньяку* дабы отличать ее от должности, бывшей еще в эпоху Хэйан при императорском дворе. Эту должность посменно занимали вассалы сёгуна из 15-ти восточных провинций, таких как Тоото:ми, а срок службы не превышал 1-2 месяцев.²⁹ Существовала так же должность *ообаньяку* (大番役), срок

²⁷ 武家諸法度 - «Кодекс военных домов». Сборник основных законов, регулировавший отношения между правительством *бакуфу* и *даймё*. Впервые издан в 1615 г.

²⁸ Ватанабэ Ё.ко. Указ.соч. с.28.

²⁹ Котобанку (コトバンク; Интернет-словарь) URL: <https://kotobank.jp/word/鎌倉番役-1292352> (дата обращения: 12.12.2015).

службы на которой составлял 6 месяцев на момент формирования данной должности, и 3 месяца к середине эпохи Камакура.³⁰

Во времена сёгуната Асикага или Муромати сёгун настоятельно рекомендовал (фактически, приказал) правителям-*сюго* из центральных провинций проживать в столице, что позволяло бы сёгунату непосредственно контролировать и отслеживать поведение управителей стратегически значимых регионов. Законодательно данная система оформлена не была, однако к концу правления третьего сёгуна рода Асикага стала фактически обязательной. Выезд из столицы без специального разрешения сёгуна расценивался как бунт и мог привести к нежелательным последствиям. Несмотря на то, что подобное правило существовало только для 44-х провинций, большинство тех управителей, чье постоянное место жительства никак не регулировалось, так же предпочитали построить себе усадьбу в столице и переехать туда, дабы находиться в центре политической жизни государства.³¹

Тоётоми Хидэёси после получения верховной власти так же обязывал своих вассалов совершать визиты в его резиденцию в Фусими. Практика заложничества, которая тоже причисляется к системе *санкин ко:тай* (но, все же, не является основной ее составляющей) так же имеет глубокие корни. Сам Токугава Иэясу в шестилетнем возрасте стал заложником Ода Нобухидэ, а затем до 19-ти лет был заложником у Имагава Ёсимото.

Принято считать, что при Токугава система *санкин ко:тай* зародилась в 9-ом месяце 1600 года, когда Токугава Иэясу после битвы при Сэкигахара захватил власть и настоятельно повелел *даймё*, которые не были его союзниками (*тодзама даймё*) навещать сёгуна в Эдо, а своих жен и детей и вовсе поселить в столичных резиденциях. Однако, заложничество стало практиковаться несколько раньше, с 6-го месяца 1600 года, когда жена Маэда

³⁰Маруяма Ясунари. Указ.соч. с.2.

³¹ Жуков А.Е. История Японии. Том 1. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. с.268.

Тосииэ, *даймё* княжества Кага, и мать его наследника переехала в Эдо на постоянной основе, что являлось своеобразной гарантией послушания ее мужа. Далее, в 1601 году Маэда Тосинага, наследник Тосииэ, посетил Эдо уже в качестве князя Кага, что считается первым *санкин*.³² Однако, все эти действия осуществлялись в добровольно-принудительном порядке и не были официально задокументированы в каких-либо законодательных актах.

Следует так же отметить, что в начале эпохи Эдо *даймё* исполняли долг *санкин* не только перед сёгунами Токугава, но и перед сыном Тоётоми Хидэёси, Хидэёри вплоть до его смерти в первом году Гэнва (1615).³³ В «*Букэ сёхатто*» от 7-го месяца того же года в девятой статье присутствует упоминание о прибытии князей на службу в столицу и о численности процессий, которые следуют вместе с ним:

«О поведении *даймё*, являющихся для несения службы. В «Нихонги» 27 записано: «За исключением случаев несения официальной службы, никому не разрешается собирать людей своего княжества в столице или передвигаться в сопровождении 20 всадников». Словом, не разрешается возглавлять большое число своих слуг. Князя с доходом от 100 тыс. до 200 тыс. *коку* не должны иметь более 20 всадников. Соответственная норма должна быть для лиц, владеющих свыше этого количества. Но [военные] силы [*даймё*], находящегося на официальной службе, должны соответствовать его положению».³⁴

Однако настоящее оформление системы законодательным образом произошло в 1635 году.³⁵

³²Ваганабэ Ё.ко. Указ.соч. с.28.

³³ *Кокуси дайджитэн*. (Исторический энциклопедический словарь) Т.6 (ко-ма). Токио: Ёсикава ко:бункан, 1979. С. 522.

³⁴ Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII - начале XVIII вв. М.: Изд-во восточной литературы ИВЛ, 1960. С. 176.

³⁵Канэмаки Нобуаки. Указ.соч. с.32.

Первоначально система была ориентирована на *тодзама даймё*. *Фудай даймё*, пользовавшимся куда большим доверием сёгуна, просто рекомендовалось посещать столицу дабы получить аудиенцию у их господина. Изначально *даймё* были поделены на две группы («восточные» и «западные»), которые должны были сменять друг друга в столице. Но после Симабарского восстания в 15-ом году Канъэй (1638) «восточные» и «западные» *даймё* были перегруппированы таким образом, чтобы во время службы в столице одного из *даймё* его соседи находились в своих наделах, и наоборот. Такое устройство системы позволило бы оперативно реагировать на возникающие проблемы на периферийных территориях. Так, согласно «Токугава дзю:годай си», *даймё* княжества Кага и Такада, что в провинции Этиго должны были находиться в своих уделах попеременно в виду стратегической важности оных.³⁶

В 19-ом году Канъэй (1642) *санкин ко:тай* перестает быть обязательной только лишь для *тодзама даймё*, *фудай даймё* так же получили четкие инструкции о том, когда им надобно прибывать в Эдо и свои княжества, и сколько и где находится.

«*Тодзама даймё* – сменяются в 4-ом месяце... Пребывание в столице и уделе – год.

Фудай даймё – сменяются в 6-ом месяце... Пребывание в столице и уделе – год.

Фудай даймё 8-ми провинций Канто – прибытие на службу в 8-ом месяце, во 2-ом месяце отдых... пребывание в столице и уделе – полгода.

Прибытие на службу в 12-ом месяце, в 8-ом месяце отдых, пребывание в столице 8 месяцев, в уделе – 4».³⁷

³⁶ Ваганабэ Ё:ко. Указ.соч. с.30.

³⁷ Цит. По Ваганабэ ёко. Указ.соч. с.30.

Следовательно, для большей части *даймё* срок пребывания в столице и уделе составлял год, для особо приближенных к сёгуну *даймё* меньше. Существовали так же и иные исключения, например *даймё* Эдзоти (Хоккайдо:) Мацуда должен был являться в столицу раз в 6 лет, а *даймё* Цусима Со: (север Кюсю) раз в 3 года. *Даймё* княжества Мито и князя, занимающие должность *ро:дзю:*³⁸ должны были постоянно пребывать в столице, и потому освобождались от необходимости регулярных посещений своих уделов.³⁹ Хотя подразумевалось, что *даймё* должны осуществлять визиты в Эдо или свои уделы ежегодно, необходимо учитывать княжества, для которых были введены различные исключения в виду их удаленности, и посему утверждать абсолютно точно, что служба осуществлялась каждый год нельзя. Кроме того, периодически происходили единовременные изменения в сроках службы и времени прибытия в виду чрезвычайных обстоятельств, которые будут подробно рассмотрены ниже.

В общей сложности система *санкин ко:тай* функционировала на протяжении примерно 226 лет, однако значительных ее реформ за это время не проводилось. Первое дополнение к законам от 1-го года Гэнва (1615) появилось в редакции «*Букэ сёхатто*» от 3-го года Гэнва (1617). Согласно первоначальным нормам, *даймё*, чей доход составляет от 200 000 *коку* риса до 1 000 000 *коку* риса, должны приводить с собой не больше 20-ти всадников, а те, чей доход не превышает 100 000 *коку* риса, должны приводить то количество человек, скольким они в состоянии выплатить жалование-*кароку* (家禄).⁴⁰ Однако в редакции закона от 3-го года Гэнва во второй статье появляется рекомендация сократить количество участников процессий *даймё*, так как чрезмерное их количество влечет «расходы уделов и хлопоты люда». В последующей редакции «*Букэ сёхатто*» от 6-го года

³⁸ 老中- старейшина. Наивысшая должность в административном аппарате правительства Токугава.

³⁹ Ваганабэ Ё:ко. Указ.соч. с.29.

⁴⁰ Ёсимура Тоёо. *Санкин ко:тай* но сёка ни цуитэ но икко:сай// Бангаку-бу ронсо:(Рассмотрение институционализации *санкин ко:тай*: «Кодекс военных домов» эры Энсуй и клан Хосокава// Журнал по культуре и гуманитарным наукам Кумамото) №. 29. Кумамото, 1989. С.40.

Канъэй (1602) это положение отсутствует, однако, оно снова появляется в издании свода законов от 12-го года Канъэй (1635).⁴¹ В дальнейших переизданиях «*Букэ сёхатто*» замечание так же присутствует, что позволяет сделать вывод о повторяющихся случаях злоупотребления числом сопровождающих, что заставляло правительство снова и снова напоминать *даймё* о количественных пределах процессий. Подобная забота о численности процессий вполне понятна и резонна. Несмотря на то, что сама система *санкин ко:тай* формировалась с целью продемонстрировать подчиненный статус удельных князей по отношению к правительству *бакуфу*, внешнее подчинение *даймё* могло не совпадать с их истинными умонастроениями, и потому присутствие сотен вооруженных и потенциально опасных людей в сердце государства было крайне нежелательным. К тому же, не смотря на то, что Эдо являлся одним из крупнейших городов мира на тот момент (а по некоторым данным, и крупнейшим),⁴² он все равно был ограничен известными пределами, и просто не мог вместить такое количество людей.

В 6-ом году Кё:хо: (1721) прямым указом сёгуна были установлены более конкретизированные нормы числа сопровождающих, которые *даймё* мог взять с собой в Эдо. *Даймё*, обладавшим доходом свыше 200 000 тысяч *коку* риса дозволялось привести с собой 15-20 всадников, 120-130 пеших воинов и 250-300 слуг и носильщиков. *Даймё* с доходом от 100 000 *коку* и выше могли приезжать в сопровождении 10 всадников, 80 пеших воинов и 140-150 слуг. Соответственно князьям, обладавшим доходом от 50 000 *коку*, дозволялось 7 всадников, 60 пеших воинов и 100 слуг, а *даймё*, чей доход насчитывал от 10 000 *коку* риса в год могли рассчитывать на присутствие в своей процессии 3-4 всадников, 20 пехотинцев и 30 слуг.⁴³ Однако, следует отметить, что этот регламент распространялся только на непосредственное

⁴¹Ваганабэ Ё:ко. Указ.соч. с.32.

⁴² Комада Ко:та. Указ.соч. с.216.

⁴³ Ваганабэ Ё:ко. Указ.соч. с.32.

окружение *даймё*, так называемую «основную часть» процессии (本隊-*хонтай*), общая численность процессии могла составлять несколько тысяч человек.

Наряду с настоятельной рекомендацией сокращать количество участников процессий, система так же претерпевала некоторые изменения в сроках пребывания князей в Эдо. Так, в 7-ом году Кё:хо: (1722) сёгун Ёсимунэ издал указ о так называемой системе «*агэмаи*» (上米), согласно которой все *даймё* должны были уплатить налог в размере 100 *коку* риса с каждых 10 000 *коку* своего дохода. В качестве компенсации сёгун несколько ослабил рамки системы: срок пребывания в Эдо сокращался до полугода, «отдых» в уделе составлял год, «смены» назначались в 3-ем и 9-ом месяцах.⁴⁴ Введение такой поправки было временным явлением и объяснялось затянувшимся экономическим кризисом. Затем, когда экономическая ситуация стабилизировалась, в 15 году Кё:хо: (1730) этот налог бы отменен и со следующего года *санкин ко:тай* вернулась к своему прошлому виду.

Следующее послабление системы, предрекающее ее завершение, произошло в 8-ом месяце 2-го года Бункю: (1862). С этого времени года срок пребывания князей в столице сократился до 100 дней, а сам визит в столицу должен был совершаться раз в три года. *Даймё* были поделены на основные группы исходя из сезона, во время которого они должны были прибывать в столицу. Так, правители княжеств Цусима, Тоса и Фукуи оказались в одной, осенней группе. Жен и детей так же разрешалось вывести из Эдо, что и было сделано рядом князей. Через два года, 1-го числа 9-го месяца 1-го года Гэндзи (1864) *бакуфу* издало указ о возвращении к прошлым установкам системы и повелело возобновить содержание в столице женщин и детей. Однако данные повеления не были исполнены, князья проявили значительное недовольство и отказались исполнять предписание, а правительство уже не

⁴⁴ Котобанку [コトバンク; Интернет-словарь] [Электронный режим] URL: <https://kotobank.jp/word/上米-24895> (дата обращения: 3.01.2016).

имело достаточной силы для того, чтобы принудить их сделать это. Кроме того, по данному вопросу с официальным заявлением выступил императорский двор, отменив указ *бакуфу* о возвращении системы к прежним установкам.⁴⁵

Система *санкин ко:тай* официально была утверждена законом в 1635 году, однако практика поочерёдных посещений двора сёгуна князьями-*даймё* зародилась намного ранее, фактически, после победы Токугава Иэясу при битве у Сэкигараха в 1600 году. Периодичная служба отдельных князей сёгуну и содержание жен или детей в качестве заложников практиковалась и в более ранние эпохи, например, во времена правительства Камакура.

Изначально *даймё* совершали посещения столицы по своей воле с одобрения правительства, осуществляя тем самым символическое признание власти Токугава Иэясу и его наследника. Однако, с течением времени удельные князья могли перестать посещать Эдо с той же регулярностью, потому система была узаконена в несколько этапов: повеление посещать сёгуна для *тодзама даймё* в 1615, определение конкретных сроков и циклов посещения для них же в 1635, и включение в систему и определение сроков и циклов посещения для *фудай даймё* в 1642 году.

За 226 лет официального функционирования система, являвшаяся одним из главных рычагов контроля *даймё*, не претерпела сколько-нибудь важных изменений. Единственная реформа, затронувшая *санкин ко:тай* была проведена в 1722 году сёгуном Ёсимунэ, но, по сути, она не была направлена именно на изменение самой системы. Некоторое послабление в расписании посещения столицы и времени пребывания в ней было предоставлено князьям в качестве «извинения» за введение временного натурального налога рисом, так как состояние казны *бакуфу* к тому времени было крайне неутешительным. Однако, данное изменение было отменено в 1730 году, когда финансовое положение правительства несколько улучшилось.

⁴⁵ Tsukahira T.G. Op.cit. pp. 136-137.

Единственной настоящей реформой самой системы можно считать значительное послабление, предоставленное правительством в 1862 году. С этого времени срок пребывания князей сокращался до 100 дней, сами визиты в столицу совершались раз в три года, а семьи князей получали официальное разрешение на выезд из Эдо. Данная реформа оказала резко негативное влияние на авторитет *бакуфу*, поэтому правительство в 1864 приняло решение вернуть систему к прежним ее рамкам. Однако князья взбунтовались против подобного решения, даже «наследственные» *даймё*, которые должны были представлять наиболее лояльную сёгуну группу князей, фактически отказались исполнять данный указ.⁴⁶ Реформирование системы *санкин ко:тай* ускорило и без того активно продолжавшийся процесс распада правительства *бакуфу*. Ряд японских историков называет реформу одной из прямых причин падения правительства Токугава, по силе действия сопоставимой с прибытием «черных кораблей» командора Перри.⁴⁷ Фактически, 1862 год можно считать годом официального краха *бакуфу*, так как невозможность правительства принудить прямых вассалов сёгуна исполнять приказы ясно сигнализировала о его несостоятельности.

1.2 Цели создания системы.

Относительно мотивов введения такой системы как *санкин ко:тай* существует несколько теорий, однако отмечаются некоторые сложности с определением того, входили ли некоторые результаты системы (например, серьезное экономическое ослабление удельных князей) в первоначальный замысел создателей или нет.

Очевидно, что система в первую очередь должна была стать завершающим звеном процесса объединения Японии. Для того, чтобы «объединенная» путем завоевания страна могла считаться по-настоящему

⁴⁶ Totman C. *Fudai Daimyo and the Collapse of the Tokugawa Bakufu* //The Journal of Asian Studies, Vol. 34, №. 3. Cambridge : Cambridge University press, 1975. Pp.583-584.

⁴⁷ Цутида Кадзумити. Указ.соч. с.48.

единой, необходимо было создать устойчивые связи между удельными княжествами-хан и столицей, создать четкую иерархию различных князей и определить, чем одни отличаются от других, и система *санкин ко:тай* должны была служить именно этим целям.

Время процессии, различные знаки отличия, которые разрешалось носить тем или иным *даймё* строго регулировались и определялись в соответствии с отношениями того или иного дома непосредственно с домом Токугава. По мнению историка Т. Цукахира, подобные шаги предпринимались для создания условий, в которых бы «сохранялась и процветала атмосфера взаимной зависти и враждебности» для того, что бы ослабить и разделить *даймё* с целью сохранения контроля над ними.⁴⁸

Регулярные вынужденные поездки ко двору сёгуна так же должны были четко обозначить подчиненное положение *даймё*. Вне зависимости от того, какой доход получали те или иные князья, какими земельными наделами управляли, и сколько воинов числилось в их войсках, все они должны были регулярно появляться в столице и просить аудиенции у сёгуна.

Безусловно, система вводилась и для контроля *даймё*. Сёгунат всегда должен был быть осведомлен о местонахождении князя и его окружении. Регулярное появление в столице должно было позволить чиновникам *бакуфу* отследить возможные изменения в умонастроениях *даймё* и предупредить возможный бунт.

Не стоит так же забывать о том, что расписание поездок в столицу и обратно было организовано таким образом, чтобы правители соседних уделов не оказывались в своих княжествах одновременно. Официально это объяснялось необходимостью постоянного присутствия в периферийных территориях прямого вассала сёгуна для предупреждения возможных

⁴⁸ Tsukahira T.G. Op.cit. p.27.

проблем и во избежание столпотворения на дорогах, но в то же время это должно было помешать *даймё* соседних княжеств организовать заговор.

Система *санкин ко:тай* ощутимо повлияла на экономику страны, как на локальных, так и на государственном уровнях. В первую очередь, из-за нее произошло заметное опустение казны удельных князей, однако вопрос о том, входило ли такое сильное экономическое ослабление *даймё* в изначальные планы *бакуфу* остается дискуссионным.

Известно, что уже во второй редакции «*Букэ сёхатто*» существовала рекомендация сократить численность процессий, так как многочисленные шествия влекли за собой экономические трудности как для князей, так и для крестьян. Однако, подобные настоятельные рекомендации *бакуфу* не соблюдались, так как для *даймё* вопрос численности и помпезности их процессии был в первую очередь вопросом престижа, потому на сокращение числа сопровождающих не шли даже во времена экономических кризисов. Более того, существуют свидетельства, говорящие об искусственном увеличении процессий путем найма работников, не принадлежавших к числу населения удельного княжества того или иного *даймё*, а потому не имеющих права участвовать в его процессиях. Так, известны случаи найма групп для прохождения маршем улиц Эдо, например, парней из Акацука (*Акацука якко*). Подобного рода деятельность *бакуфу* пресекало, издавая специальные указы.⁴⁹

Представляется в высшей степени нелогичным вводить ограничения, позволявшие сэкономить средства, в закон, призванный экономически ослабить его целевую аудиторию. В Японии эпохи Токугава аккуратное и неукоснительное исполнение законов являлось гарантией социального порядка и стабильности государства в целом, следовательно, указания о сокращении численности процессии и экономии должны были соблюдаться.

⁴⁹ Прасол А. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. — М. : Астрель: Corpus, 2012. С.321.

Подобное несоответствие заявленной цели системы и текста закона, ее определяющей, наводит на мысль, что значительное экономическое ослабление удельных князей является всего лишь следствием создания системы, а не ее целью.

Историк Бидо Масахидэ отмечает: «считается, что эта система [*санкин ко:тай*] сокращала финансовую мощь князей, однако это является вторичным эффектом, истинная цель заключалась в демонстрации власти *бакуфу*». ⁵⁰

Таким образом, не смотря на то, что общепризнанной является теория становления системы *санкин ко:тай* как меры по экономическому ослаблению *даймё*, в действительности она вызывает сомнения. Ряд исследователей системы, например, Ямамото Хирофуми и Бидо Масахидэ сходятся во мнении, что изначально данная система создавалась как «ритуал, призванный продемонстрировать подчиненное положение *даймё* по отношению к сёгуну». ⁵¹ Однако было бы неправильно упускать из виду тот факт, что определенная степень контроля за деятельностью *даймё*, их умонастроениями так же имела место быть.

1.3. Временные рамки *санкин* и *ко:тай*.

Как уже отмечалось ранее, сроки и время прибытия в Эдо были четко определены для всех *даймё*. *Тодзама даймё* были обязаны приезжать в столицу в 4-ом месяце и оставаться там на год, *фудаи* – приезжать в 6-ом и оставаться в своем столичном поместье так же в течение одного года. Особые условия были для *фудаи даймё* из 8-ми провинций Канто (Сагами, Мусаси, Ава, Кадзуса, Симоса, Хитати, Кодзукэ и Симоцукэ). Для них было установлено 2 схемы *санкин* и *ко:тай*: прибытие в столицу в 8-ом месяце и проживание в ней и своем владении по полгода, и прибытие в столицу в 12-

⁵⁰Цит. по Хаякава Акио. Указ.соч. с. 118

⁵¹ Там же.

ом месяце, проживание в ней 8 месяцев, а затем «отдых» в своем уделе на протяжении 4-х месяцев.

Существовало несколько уделов, по отношению к которым выставлялись особые условия, исходя из их удаленности или стратегической важности. Так, *даймё* Цусимы должен был приезжать раз в три года, а *даймё* Эдзо – раз в пять.

Помимо этих, официально утвержденных и постоянных исключений в сроках и времени пребывания, наблюдаются и единовременные отсрочки приезда или отъезда из столицы связанные, как правило, с теми или иными чрезвычайными обстоятельствами. Такими обстоятельствами считали стихийные бедствия на подконтрольной территории и в столице (например, если в результате пожара сгорели столичные поместья *даймё*), болезни *даймё* и, в ряде случаев, его родственников, смена глав княжества, малолетство нового князя и так далее.

Считается, что *даймё* каждый год должен был совершать *санкин* или *ко:тай*, следовательно, тот или иной вид исполнения службы должен был иметь место на протяжении всего промежутка времени, которое *даймё* был вовлечен в систему *санкин* и *ко:тай*. Однако при детальном взгляде на статистические сводки некоторых княжеств мы можем обнаружить несоответствия. Так, например, управители княжества Кага, будучи *тодзама даймё*, в общей сложности исполняли свой долг в рамках системы *санкин ко:тай* на протяжении 226 лет, следовательно, именно такое же количество посещений Эдо и возвращений в уезд должны были совершить главы дома Маэда, однако, это не так. Количество *санкин* равняется 93, а *ко:тай* – 97, в общей сложности, 190 раз, то есть, на 37 раз меньше заявленного эталона.⁵² Ситуация с *фудаи даймё* выглядит примерно таким же образом. Например, первое задокументированное *ко:тай даймё* княжества Этидзэн (Фукуи)

⁵²Ваганабэ Ё:ко Указ.соч. с.29.

относится к 1653 году, следовательно, мы можем отследить количество *санкин* и *ко:тай* на протяжении 210 лет. Князя Фукуи из рода Мацудайра самолично совершили только 82 *санкин* и 86 *ко:тай*, в общей сложности, 168 поездок в столицу и обратно. Однако, в случае с княжеством Этидзэн имело место быть такое явление как «замещение на службе» (代勤; 名代– *дайкин*). «Заместители» назначались в том случае, когда глава княжества по тем или иным причинам (чаще всего, затяжной болезни) не мог исполнять свои прямые обязанности, к коим причислялись посещение столицы и своего удела. В общей сложности «заместители» совершили 6 *санкин* и 5 *ко:тай*, если добавить эти случаи к общей статистике представителя княжества Этидзэн 88 раз приезжали в столицу и 92 раза уезжали «на отдых», таким образом, служебных поездок в сложности было 179.⁵³

Относительно месяца прибытия на службу в Эдо и отъезда из столицы так же наблюдались колебания. Прибытие в Эдо в строгом соответствии с определенным месяцем приходится, как правило на большую половину всех посещений *даймё* Эдо. Так, князя рода Маэда из 93 *санкин* чаще всего прибывали в столицу: а) в 4-ом месяце (26 раз), б) в 7-ом (22 раза) и с) в 3-ем (19 раз).⁵⁴ Если предположить, что понятие «4-ый месяц лета» трактовалось несколько свободно и в таком случае все прибытия в столицу в 3-ем месяце можно отнести к категории 4-го, прибытия в столицу в соответствии с утвержденным законом эталоном совершалось лишь в 45 случаях (48%). В случае с княжеством Фукуи большинство посещений столицы приходилось так же на 4-ый месяц (73 из 82 или 89%). Похожая ситуация наблюдается в княжестве Тоттори (72% посещений в 3-ем месяце).⁵⁵

Наиболее распространенной причиной, по которой *даймё* откладывали свой визит в Эдо или в княжество является болезнь. Так, *даймё* княжества

⁵³Канэмаки Нобуаки. Указ.соч. с. 38-39.

⁵⁴Ватанабэ Ё.ко. Указ.соч. с.30.

⁵⁵Курумида Хироки. Указ.соч. с.53.

Тоса Цуёсигэ получил разрешение покинуть Эдо на два месяца ранее, чем это планировалось, по причине плохого самочувствия. Позже Тоёсигэ, пятый *даймё* Тоса, получил разрешение прибыть в Эдо на два месяца позже так же из-за болезни.⁵⁶ В некоторых случаях исполнение обязанностей *санкин* или *ко:тай* не просто откладывалось или сокращалось на несколько месяцев, но отменялось на год и более. Так *даймё* княжества Тоттори Икэда Наритоси из-за своей болезни в 1824 году остался в столице и вернулся в княжество только в 5-ом месяце 1826 года. Однако, все из-за той же болезни он приехал в Эдо раньше, чем планировалось – 25 числа 11-го месяца того же года.⁵⁷ *Даймё* княжества Увадзима Датэ Муратоки прибыл в столицу в 1788 году, а уехал из нее только в 1791. Продленное пребывание в Эдо так же было разрешено из-за болезни князя.⁵⁸

Болезнь близкого родственника, проживающего в столице, так же считалась достаточно весомым поводом для изменения устоявшегося цикла посещений столицы и родного удела. В 1648 году Мацудайра Ёсинага в соответствии с обычным распорядком *санкин* и *ко:тай* вернулся в свой удел в 5-ом месяце, однако вскоре после прибытия домой подал экстренное прошение к *бакуфу* позволить ему вернуться в Эдо, так как состояние его биологического отца Токугава Норимаса (Ёсинага был усыновлен в качестве наследника предыдущим *даймё* Нарисава) вызывало опасения. Ёсинага выехал из Фукуи 5-го числа 6-го месяца и прибыл в Эдо 23-го числа, но не успел: 8-го числа Норимаса скончался. Князь принял участие в церемонии выноса гроба, но не задержался до конца всех похоронных обрядов и лично попросил вернуться в свой удел. 1-го числа 7-го месяца он покинул Эдо.⁵⁹

Следует отметить, так как болезнь *даймё* была наиболее уважительной и, в то же время, легко имитируемой причиной из всех, ее зачастую

⁵⁶ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p. 58.

⁵⁷ Курумида Хироки. Указ.соч. с.53.

⁵⁸ Уэда Риса. Указ.соч. с.18.

⁵⁹ Канэмаки Нобуаки. Указ.соч. с.38-39.

использовали в качестве предлога избежать поездки в Эдо или свое владение и в тех случаях, когда князь был здоров. Подобные случаи, однако, вряд ли являются формой непослушания князей сёгунату, но простейшим способом сэкономить средства, выделяемые на данные поездки. По самым масштабным оценкам *даймё* тратили до 70-80% дохода именно на оформление и содержание процессий, потому простая отмена сего дорогостоящего мероприятия всего лишь на год могла сэкономить значительную часть средств. Кроме того, *даймё* были обязаны выдерживать определенную планку в зрелищности процессий, в противном случае, они рисковали утратить авторитет и навлечь на себя насмешки как «коллег», так и простого люда.

В 1788 году произошел интереснейший эпизод, который свидетельствует, что сёгунат, зачастую, не только был осведомлен об истинной природе «болезни», но и сам предлагал ее в качестве уважительного повода для отсрочки *санкин*. В 1787 году удельный князь Тоса начал проводить экономические реформы и на момент подачи официальных прошений о разрешении прибыть в столицу не обладал достаточной суммой денег на формирование подходящего статусу княжества кортежа для *даймё*. О данной ситуации было сообщено в неформальной переписке правительству, на что был поучен неформальный же ответ с рекомендацией сообщить о болезни князя. После этого в столицу был отправлен уже официальный запрос об отсрочке *санкин*, так как здоровье князя вызывает опасения и ему необходимо получить должный уход, включающий в себя посещение горячих источников. Прощение было удовлетворено, и дайме получил отсрочку сроком в 4 месяца.⁶⁰

Следующим по распространенности поводом для переноса или отмены *санкин* служат стихийные бедствия, чаще всего, пожары. Пожары являлись настоящим бедствием для Эдо из-за высокой плотности построек,

⁶⁰ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.60.

выполнявшихся из легковоспламеняющегося дерева, особенно в кварталах, населенных обычным городским людом. Так, из-за пожара в княжестве Тоттори в 4-ом месяце 5-го года Кё:хо: (1720), в результате которого сгорел замок, князю было дозволено не приезжать на следующий год в Эдо, так как ремонт замка требовал значительных финансовых затрат.⁶¹ По той же причине в 1809 году *даймё* княжества Кага Маэда было предоставлено освобождение от исполнения долга *санкин*.⁶²

Вместе с тем существуют свидетельства отказа *бакуфу* в предоставлении отсрочек из-за пожаров, что свидетельствует о наличии у правительства дополнительных причин позволять или не позволять князьям уклоняться от своего прямого долга. Так, в 1721 году сгорела главная резиденция удельного князя Аидзу, в связи с чем он послал правительству официальный запрос на досрочное возвращение домой из Эдо, однако *бакуфу* постановило, что «только если бы усадьбы княжества были разрушены, и не было бы абсолютно никакого другого жилья, разрешение покинуть столицу было бы дано».⁶³

Князя могли задержать в Эдо на более длительный срок так же в том случае, когда его услуги требовались в столице. Так, 2-го дня 10-го месяца 1855 года Эдо значительно пострадал от землетрясения, и князю Тоттори, который должен было отбыть на трёхлетний «отдых» в том же году, повелели остаться в столице под предлогом «нехватки рук для ее восстановления».⁶⁴

Даймё, чье пребывание в собственном княжестве было необходимо с точки зрения государственных интересов, так же получали отсрочку от исполнения долга *санкин* в виду особой важности их службы. В первую очередь это касалось прибрежных княжеств, которые занимались обороной береговой территории. К концу периода Эдо случаи предоставления отсрочек

⁶¹Курумида Хироки. Указ.соч. с.53.

⁶² Tsukahira T.G. Op.cit. p.54.

⁶³Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.57.

⁶⁴Курумида Хироки. Указ.соч. с.53.

настолько участились, что один ученый утверждал, будто *даймё* «начали использовать свою ответственность за береговую оборону в качестве предлога избежать появления в Эдо и тем самым попирают авторитет *бакуфу*». ⁶⁵ Справедливости ради стоит отметить, что вместе с определенным падением авторитета правительства *бакуфу* к концу эпохи Токугава, прибрежная оборона в это время действительно приобретала особую значимость в виду растущей угрозы с Запада.

Другой достаточно распространенной причиной для предоставления отсрочек от службы служила смерть действующего князя и назначение нового. Назначение нового князя должно было проводиться под контролем правительства, для того, чтобы впервые торжественно въехать в свой удел в качестве его управителя, новоявленному *даймё* так же требовалось получить особое разрешение от властей. Нередки случаи, когда официальный наследник умершего князя вступал в наследование, будучи несовершеннолетним ребенком (до 17-ти лет). Данное событие было весьма нежелательным в первую очередь для княжества, так как юный возраст наследника мог стать причиной усомниться в его управленческих возможностях и, в дальнейшем, даже стать поводом для лишения его рода владений.

Однако назначение князем несовершеннолетнего ребенка все же случалось, но в таких случаях ему не давали официального разрешения покинуть столицу до его совершеннолетия. Так, самыми молодыми князьями Этидзэн, получившие разрешение отправится в свой удел в качестве правителя, стали десятый, одиннадцатый и шестнадцатый. Десятому Мунэнори пришлось ждать 6 лет до первого выезда в удел, одиннадцатый Сигэмаса получил разрешение на первый выезд через 9 лет после назначения (однако, выезд он не совершил по причине собственной кончины), Ёсинага совершил свой первый выезд как князь Этидзэн через четыре года после

⁶⁵Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.56.

назначения.⁶⁶ Это не самый долгий срок для ожидания, третий *даймё* Тоттори стал князем в трехлетнем возрасте и прождал 13 лет прежде чем вступить в свои владения в качестве князя в первый раз.⁶⁷ Так же наблюдаются случаи, когда разрешение на первый выезд давали через несколько лет после совершеннолетия. Так, пятнадцатому *даймё* Этидзэн Нарисава было дозволено отправиться домой через два года после назначения, когда ему исполнилось 19.⁶⁸ Возможно, подобная отсрочка была связана более с состоянием здоровья молодого князя нежели его малолетством: после своего первого *ко:тай* Нарисава скончался, так и не осуществив ни одного *санкин*.

Не смотря на то, что большинство работ посвященных системе *санкин ко:тай* утверждает, что малолетних наследников не отпускали из столичных резиденций, существуют свидетельства того, что они все же совершали поездки в удел и назад в Эдо, причем делали это в соответствии с поездками действующего князя: когда *даймё* пребывал в уделе наследник находился в Эдо и наоборот. Нахождение князя и его наследника одновременно допускалось в случае столицы и категорически запрещалось в случае с княжеством. Подобные данные существуют для княжества Тоса. Например, третий князь Тадатоё впервые посетил Тоса в 17-тилетнем возрасте, за 30 лет до того как возглавил семью в 1656. Его приемник Тоёмаса совершил свою первую поездку в 1660, когда ему было 19. Существует так же описание путешествия в Эдо малолетнего наследника Тоёки, которому на момент путешествия едва исполнилось 10 лет.

В случае с Тоса мы можем утверждать, что поездки наследника в княжество не только практиковались, но были важной частью подготовки молодого человека как будущего управителя. Тоёфуса, ставший наследником в 1689 году не демонстрировал особого желания отправиться из Эдо в

⁶⁶Канэмаки Нобуаки. Указ.соч. с.36.

⁶⁷Курумида Хироки. Указ.соч. с.53.

⁶⁸Канэмаки Нобуаки. Указ.соч. с.36.

княжество и избегал путешествия на протяжении 7-ми лет. Подобное положение дел вынудило его старшего вассала Асахина Гэмба в 1696 году написать ему вежливое, но настойчивое письмо о необходимости совершать данные поездки.

«То, что я напишу здесь, хотят сказать многие, но не имеют возможности сделать это. Вы не просили разрешения оставить свои дела, и сейчас уже прошло время возвращения в княжество. Так как в этом году поездки не будет, я могу сказать вам эти слова. Два года назад у вас была возможность посетить Тоса, но, из-за вашей болезни вы не запрашивали разрешения сделать это. В этом году, разумеется, уже поздно. С огромным уважением я должен сказать вам, что несомненно сёгун заметил это. Большинство наследников вашего статуса уже дважды посетили свои уделы за то время, что вы были в Эдо, но вы упустили возможности и не запрашивали разрешения на отъезд даже когда получали аудиенцию в замке Эдо. Это может повлечь слухи о серьезности вашей болезни, или о наличии некоторых разногласий между вами и Господином. Люди так же могут подумать, а не отложили ли вы поездку виду того, что у вас недостаточно способностей для управления. Разумеется, многие находят подозрительным то, что вы упустили из виду такой важный вопрос, как этот...

Если вы по-прежнему будете упускать возможность вернуться в удел, люди будут думать, что [вы делаете это] потому, что вам не хватает способностей в управлении. Не может быть ничего хуже для человека вашего статуса, чем критика от людей со всей страны.

Из-за болезни вы не выполняли свои обязанности в течение 5-6 лет, и это вызвало большие трудности для князя Тоёмаса. Нет ничего более значимого для нашего княжества, чем эта проблема. Господин наш не знает

как эта ситуация разрешится, но будущее кажется темным для него. Я повторяю, нет ничего важнее для нас, чем это»⁶⁹

Асахина так же отмечает, что длительное пребывание наследника в Эдо влечет не только трудности, сопряженные с престижем княжества и его управителей, но и проблемы экономического и личного порядка для тех людей, которые ему служат:

«Например, ваш слуга Накаяка Гэньмон, который до сих пор не смог обзавестись наследником и теперь должен усыновить кого-то. Если бы вашим слугам Мурата Сёдати, Миягава Сэёдзиро, Сибуя Дзихэй, Асада Ридаю и Ивасаки Сёдзаэмон было дозволено вернуться домой, они бы уже обзавелись женами и детьми, вели оседлую жизнь. Им не пришлось бы оставлять заботы о своих престарелых родителях родственникам. Нет числа подобным историям о людях низших чинов, служащих вам. Эти люди не могут вести нормальную семейную жизнь. В то время как они формально не разрывают матримониальных связей, они вынуждены жить отдельно от своих супругов. Это приносит много горя нескольким сотням людей, которые сталкиваются с финансовыми или иными серьезными трудностями».⁷⁰

Тот факт, что Гэмба упоминает о том, что нежелание наследника посетить свое княжество может навлечь различные слухи и подозрения, как со стороны остальных князей, так и со стороны верховного правительства может дополнительно свидетельствовать о том, что подобные поездки считались скорее нормой, нежели спорадически возникающими явлениями.

1.4 Состав и внешний вид процессии.

⁶⁹ Quoted in Vaporis C.N. *Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan.* pp.18-19.

⁷⁰ Quoted in Vaporis C.N. *Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan.* pp.195-196.

Процессии *даймё* или *гё:рэцу* (行列) являются одним из самых ярких символов эпохи Токугава. К внешнему виду кортежа *даймё* существовали вполне определенные требования, которые определялись исходя из положения князя при дворе сёгуна, размера его владений и, нередко, личных отношений с действующим сёгуном. У жителей городов и деревень практически не было возможностей увидеть своими глазами верховного правителя или его особо приближенных лиц, зато они имели возможность хотя бы раз в год наблюдать шествие военного князя в столицу. Для простого люда именно *даймё* являлись представителями власти, впечатления, полученные от вида процессии князя определяли отношение к власти в целом, посему выглядеть процессия должна была величественно. В качестве эскорта главы провинции выступали в основном воины, таким образом, шествие до Эдо носило так же оттенок военного парада и демонстрации именно военной мощи центральной власти и самих удельных князей.

Количество сопровождающих зачастую было столь велико, что впечатленные зрители не могли оценить его адекватно. Так путешественник Кемпфер так описывает свой опыт встречи с процессиями *даймё*:

«Свита иных важнейших князей империи так велика, что занимает на дороге пространство нескольких дней пути. Часто случалось мне, при самой быстрой езде, встречать в продолжение двух дней сряду багаж и свиту; предшествовавшие князю; она состояла из служителей и низших, разделенных на мелкие отряды; сам князь встречался только на третий день, с многочисленной свитой; и все это шло в изумительном порядке. Говорят, что свита одного из важнейших *дайми* состоит из 20,000 чел.; свита *сиомио* – из десяти тысяч, а свита губернатора императорского города и земель, принадлежащих казне, - из нескольких сот человек, смотря по его чину или доходам».⁷¹

⁷¹ Зибольд Ф. Указ.соч. с. 226-227.

Франсуа Карон, путешествовавший в 1630-х отмечал, что количество сопровождающих мужчин достигало шести тысяч, а Генрих Шлиман в 1865 оценивал самую большую процессию *даймё* в 15 тысяч человек. Очевидно, что подобные цифры являются явным преувеличением иностранцев, пораженных размерами увиденных процессий, реальное количество сопровождающих *даймё* самых крупных владений колебалось от двух до трех тысяч человек.

Процессия делилась на «внешнюю» и «внутреннюю» части, размер «внутренней» регламентировался указами *бакуфу*, численность же «внешней» ограничивалась лишь желанием и финансовыми возможностями того или иного князя. Внутренняя часть именовалась *хонтай* (本隊), «основное войско», именно в этой части процессии находился князь, его непосредственные вассалы и личная охрана. Все остальные люди принадлежали «внешней» части и в большинстве своем это были слуги, ответственные за тот или иной вид деятельности, двигались они немного позади основной части. В общей сложности, число и внешней и внутренней части процессий колебалось от 500 до 4-х тысяч человек в зависимости от финансового состояния княжества, его роли на политической арене страны и того, какой объем средств каждый князь считал нужным тратить на поддержание своего авторитета. Некоторые данные о численности процессий приведены в таблице.⁷² Следует отметить, что для так называемого «первого въезда» характерна несколько повышенная численность процессии, так как в интересах новоявленного князя было поднять свой авторитет в глазах населения своего удела. Так, например, процессия шестого *даймё* Кага Ёсинори во время его первого въезда в удел в 1724 году насчитывала примерно 3 тысячи человек, но в 1745 году его же процессия составляла 2500 человек.⁷³ Известно, что в 1842 году один из старейшин княжества Сэндай

⁷² См. Приложение 1.

⁷³Ваганабэ Ё:ко. Указ.соч. с.33.

встретил своего князя на границе владений и добавил 295 человек к его процессии, которая насчитывала 1 282 человека.⁷⁴

Рассмотрим теперь построение процессии. Передвижение нескольких тысяч человек одновременно могло быть затруднительным даже в условиях японских дорог, которые иностранные путешественники описывали как широкие и превосходно убранные. Поэтому, процессия зачастую делилась на части: передовая – *сэндацу* (先 達), которая могла выезжать раньше господина, главная – *отомодацу* (御 供 達), где был *даймё* и его личная свита и замыкающая – *атодацу* (後 達).

Вся процессия строилась по аналогии с воинским строем, так как в самой системе *санкин ко:тай* присутствовала определенная военная составляющая. Немецкий врач Энгельберт Кемпфер во время своего путешествия по Японии в 1690-1692 году несколько раз сталкивался с *даймё*, по долгу службы направлявшихся в столицу или из нее, и оставил прекрасное описание этих процессий⁷⁵, впрочем, «не упоминая о передовых гонцах, багаже, лошадях, канго и паланкинах, которые высылаются вперед за день или за два».⁷⁶

«Пики, сабли и стрелы с луками», упоминаемые Кемпфером в своем описании под номером 3 являлись важной частью процессии и носили особо название «*о-саки сан хин*» (お 先 三 品) – «три передовых вещи». Ответственные за них воины являлись отдельным образованием, исполнявшим роль *цуюбарай* (露 払 い), в их задачи входило оповещать о своем господине и расчищать для него дорогу.

Ответственные за эти «три вещи» воины делились на две группы: те, кто нес их в данный момент, «стоящие на службе» и их «смена».

⁷⁴Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.77.

⁷⁵См. Приложение 2.

⁷⁶Зибольд Ф. с.227.

Подразумевалось, что группы должны сменять друг друга каждый день, однако на деле каждый «дежурный» уходил на отдых после двух дней работы, так как копья распределялись между двумя группами неравномерно:

стоящий на службе – 25 ружей, 20 луков и 20 длиннодревковых копий

Не стоящий – 25 ружей, 20 луков и 10 длиннодревковых копий.

Три сокровища находились в процессии впереди основной части войска, и не являлись «внутренней» частью процессии. Группа не стоящих на службе воинов шла в самом начале, за 4 километра от «трех передних тяговых лошадей», стояще на дежурстве же шли в 2 километрах впереди.⁷⁷

Основная часть процессии так же формировалась в особом порядке. Несколько пеших воинов формировали небольшой отряд с отдельным командующим. В свою очередь, эти несколько отрядов, собравшись вместе, формировали более крупный отряд. В каждой стратегически важной точке процессии, так называемом «месте верховой езды» присутствовали верховые самураи. Возможность участвовать в процессии князя верхом предоставлялась наиболее высокопоставленным и приближенным вассалам, потому каждый из них так же имел небольшое сопровождение из подчиненных ему воинов. В случае с процессиями из Кага, «основная часть» которых, как правило, насчитывала около 450 человек, непосредственное сопровождение делилось на 2 крупных отряда: личная охрана *даймё* с ним самим в центре посередине и отряд, возглавляемый двумя советниками-*каро*. Оба советника предводительствовали более 200 человек: 10 всадников, 10 лучников, 15 ружий, 10 копий, 10 пеших, их сменщиков и лошадей со скарбом. Советники так же исполняли роль замыкающих, готовые вступить в битву в любой момент, если нападение на их князя будет совершено с тыла.⁷⁸

⁷⁷Ватанабэ Ё:ко. Указ.соч. с. 36.

⁷⁸Ватанабэ Ё:ко. Указ.соч. с.37-38.

Одежда свиты должна была быть единообразной преимущественно темных, приглушенных тонов, однако, многие члены свиты наоборот носили выразительную одежду для достижения более внушительного визуального эффекта. Кемпфер отмечал, что носители паланкина *даймё* были одеты "в черный шелк отличного качества". Костюм состоял из брюк-*хакама*, мужского кимоно и накидки-*хаори*. Неотъемлемой частью костюма была шляпа из осоки – *сугэгаса* (菅笠), служившая одновременно защитой от солнца и дождя. На одежде и вещах мог присутствовать узор, отличающий то или иное княжество от другого. Процессия носила явно демонстрационный характер, а потому *даймё* были не прочь показать некоторые аспекты культуры своего владения.

Для передвижения дайме использовался паланкин-*каго*, подробно описанный путешественником Гунбергом:

«Норимоны род каретных кузовов, из тонких досок и бамбуковых тростей, с окнами спереди и по обоим бокам над дверцами. В них можно сидеть свободно и даже лежать, поджав немного ноги. Внутри норимон обит хорошею шелковою материю и бархатом. В глубине его бархатный матрац, покрытый бархатным же покрывалом. Спина и локти покоятся на подушках; а сам сидишь на круглой подушке, в которой сделано отверстие. В передней части полочки, куда можно поставить чернильницу, книги и тому подобное. Окна над дверцами опускают, если хотят впустить воздух, или закрывают занавесками бамбуковыми шторами. Не знаю экипажа удобнее этого».⁷⁹

Так же Шарльвуа отмечал, что внешний вид паланкина и то, каким образом его проносят, так же зависит от статуса пассажира:

«Звание сидящего в норимоне узнается по числу носильщиков, и потому, как они держат шест. У иного не более двух носильщиков, у другого восемь и даже более. Неся принца крови или владельца провинции,

⁷⁹ Зибольд Ф. Указ.соч. с.209-210.

носильщики держат шест на ладони, прочих носят на плечах. Все носильщики одеты в ливрею своего господина и во время путешествий их так много, что они могут часто переменяться. Есть такие канго, которые нравятся более норимонов важным людям для путешествия; они малы, и в них можно сидеть неловко, потому что надобно нагибаться и поджимать ноги. Они похожи на корзинки верх их гладкий, а низ выпуклый. Такие канго особенно употребляются для переходов через горы. В трудных местах, три человека несут маленький канго, и проходят там, где даже нельзя проехать верхом».⁸⁰

Использование паланкинов так же регулировалось отдельной статьей кодекса «*Букэ сёхатто*». Вопреки распространенному заблуждению, правом использовать паланкин обладал не только сам князь. Возможность проделать часть пути в *каго* так же предоставлялась пожилым людям, врачам, а так же тем воинам, которым пришлось нести службу ночью. Для таких случаев присутствовало несколько дополнительных паланкинов и выделено отдельное количество людей, несущих за них ответственность.

Несмотря на роскошь, при долгом путешествии подобный способ передвижения был несколько утомителен не только для носильщиков, но и для самого князя. Случалось, что путешественник страдал от болезни вестибулярного аппарата, симптомы которой были сходны с симптомами морской болезни, из-за постоянной тряски паланкина. Как правило *даймё* передвигались именно в паланкине, однако мы встречаем свидетельства верховой езды и пешего хода. Так, Мацудайра Ёсинага в своих дорожных записях от 1845 года подробно отмечает, ехал ли он в паланкине или верхом, или передвигался пешком.⁸¹

1.5 Дорога до Эдо и обратно.

⁸⁰ Там же. с. 211-212.

⁸¹ Канэмаки Нобуаки. Указ.соч. с.44-50.

Наиболее распространенный порядок приготовлений к поездке князя выглядел следующим образом. В ноябре в столицу отправлялся посыльный, имевший при себе прошение к сёгуну о разрешении князю прибыть в столицу весной следующего года. По прибытии в столицу он отправлялся в поместье князя и вместе с его управляющим посещал замок Эдо, где вручал прошение одному из государственных советников - *ро:дзю*. Советники согласовывали точную дату прибытия и начала службы и отдавали предписание посыльному, с которым он отправлялся домой. Затем в столицу направлялся другой гонец — для выражения благодарности за согласие принять удельного князя в столице. Не смотря на то, что согласно «*Букэ сёхатто*», эта служба с 1635 года стала обязательной, на ритуал это не повлияло.⁸²

Когда месяц *санкин* был определен, обычно, примерно с осени назначали ответственного советника-*каро* (в случае крупных владений, таких, как Кага – двух), в обязанности которого входила подготовка к поездке. В согласовании с ним определяли маршрут, затем обсуждали где остановиться на ночлег в дороге. *Даймё*, которым предстояло пересечь Токайдо, примерно за полгода до поездки утверждали распорядок ночевок, необходимо было так же получить письменные подтверждения от гостиниц и постоялых дворов о том, что они осведомлены о проезде *даймё* и готовы принять его надлежащим образом.⁸³ Делалось все это во избежание столкновений с процессиями других князей, что грозило значительными неудобствами. Кемпфер отмечает в своих записях:

«Если несколько таких князей и вельмож с многочисленными свитами съедутся на одной дороге, в одно время то не могут не мешать друг другу, особенно если встретятся в одном селе, потому что часто даже целого села недостаточно для помещения одной свиты. Для устранения такого

⁸² Прасол А. Указ.соч. с.315.

⁸³Ваганабэ Ё:ко. Указ.соч. с.31.

неудобства, князья и вельможи приняли за правило извещать о своем проезде преждевременно все селения и гостиницы, а именно первостатейные за месяц, а прочие за недели или за две до проезда».⁸⁴

Далее проводилась основательная подготовка к путешествию: составлялись списки сопровождающих, подготавливалась провизия и личные вещи, проводились осмотр средств передвижения на предмет поломок и другие подготовительные действия. Осуществлялись так же репетиции построений процессии и торжественного марша с копьями, который демонстрировали участники процессии во время прохода по мало-мальски значимым населенным пунктам. Так как, нередко, подобный марш заключал в себе акробатические элементы, как, например, перебрасывание копья, воинам следовало отрабатывать слаженность своих действий заранее.

Итак, настал день отправления. Выезд из замка совершался в первой половине дня, зачастую, ближе к полуденному времени. Во время прохода по территории призамкового города князя сопровождали родственники и вассалы, которые, впрочем, не последуют за ним в столицу, а вернутся после того, как князь выйдет за ворота города.

Путешествие в столицу в рамках исполнения долга «*санкин*» подразумевало покинуть пределы своих владений и пересечь территории остальных князей Японии. Существовал особый регламент, строго определяющий как должны вести себя все участники данного процесса, начиная с князей и заканчивая обычным людом.

Когда князь прибывал на территорию другого княжества, нередко на границе его встречал отряд, состоящий из воинов данной местности. Если же такого эскорта не предполагалось, местный князь должен был отправить посланника к гостю в то время, когда он находился на постое в местной гостинице. *Даймё*, совершающий *санкин*, осуществлял приветствие,

⁸⁴Зибольд Ф. Указ.соч. с.227.

передавал дары для главы удела, а так же одаривал подарками посланника в благодарность за проделанную работу. Выходил ли *даймё* навстречу посланнику сам или нет, зависело от ранга обоих участников данного ритуала: если *даймё* крупного княжества пересекал территорию мелкого княжества, он не выходил навстречу посланнику лично, с ним встречался *каро*.⁸⁵

Встреч на дороге старались избегать, потому как они могли серьезно замедлить движение, однако полностью исключить их было делом невозможным. К примеру, все князья с северо-востока выдвигались в Эдо в одно и то же время, столкновения процессий, когда один князь ехал в Эдо, а другой возвращался из столицы по той же дороге, не были редким явлением.⁸⁶ На этот случай так же существовал особый протокол. Если один из путешественников принадлежал к одному из домов *госанкэ*, его оппонент должен был сойти с паланкина и поприветствовать его. Если оппонент занимал высокий пост, он мог остаться в паланкине и поприветствовать через открытую дверь. Если просто один выше другого рангом, то младший посылал посланника с приветствием и подарком. Путники одинакового ранга взаимно посылали друг другу подарки. Если они оба делили один зал аудиенций в Эдо, то могли поприветствовать друг друга из паланкинов. Члены процессий должны были снять шляпы и поклониться.⁸⁷

Случалось так же, что князья прибывали одновременно в одно селение или почтовую станцию. В таких случаях тот *даймё*, который обладал меньшим доходом, отправлялся искать ночлег в другом месте. Иногда *даймё* приходилось ждать, когда вернутся лошади и люди, которых увел по своим нуждам проезжавший ранее князь.

⁸⁵ Ваганабэ Ё:ко. Указ.соч. с. 31.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.33.

Среднее время в дороге зависело от удаленности княжества от столицы, состояния дорог и погоды. Например, княжество Тоттори от столицы отделяло 702 км, это расстояние преодолевали за 22 дня и 21 ночь, а путешествие из Тоса занимало около одного месяца. Тяжелее всех приходилось княжеству Сацума, удаленному от столицы на 1,5 тысячи км. Дорога в один конец занимала до полутора месяцев. Уже отмечалась военная составляющая данного шествия, которая помимо ношения оружия и подражания боевому строю, так же обязывала соблюдать определенный темп передвижения, в день процессия должна была проходить не менее тридцати километров. Кроме маршрута, заранее устанавливался план с точным указанием времени и места всех событий и встреч, которые предполагались в пути. Пример такого маршрут путешествия в столицу Мацудайра Ёсинага в 1845 году с указаниями остановок в пути и на ночлег приведен в приложении 3.

Первое упоминание о *санкин ко:тай* в законодательных актах относится к 1615 году, однако, настоящее оформление данной системы произошло в 1635 году, когда были определены временные рамки и сезоны посещений. Изначально система регламентировала посещения только князей группы *тодзама*, однако с 1642 года в нее оказались вовлечены все удельные князья.

Практика попеременной службы при дворе сёгуна и поселение семей в столице в качестве заложников приобрела популярность задолго до становления правительства, однако, именно оно превратило традиционную практику в систему, закреплённую на законодательном уровне.

Основной целью введения данной системы было оформление своеобразного политического ритуала, в ходе которого удельные правители демонстрировали сёгуну свое подчинение. Ранее данные визиты совершались на добровольной основе, однако, для поддержания авторитета *бакуфу* на

должном уровне было решено закрепить данный ритуал законодательно, дабы избежать возможного пренебрежения им в будущем, когда в памяти князей ослабеют воспоминания о военной мощи Токугава. Одновременно с этим система становилась своеобразным рычагом контроля периферийных территорий – погруженные в заботы о предстоящих поездках князя не имели возможности задумываться о бунтах, кроме того, они регулярно появлялись при дворе и докладывали о каждом своем шаге во время путешествий по стране, что так же благоприятно сказывалось на возможности контроля за ними.

Все аспекты системы были строго регламентированы и тщательно инспектируемы со стороны *бакуфу*. Время визитов в столицу, время отъезда домой, количество людей в свите, маршрут и остановки в пути, средство передвижения процессии, использование тех или иных видов оружия в процессии и даже количество копий – все было установлено отдельными правилами.

Санкин ко:тай являла собой законченную систему, которая за 226 лет своего функционирования так и не была реформирована в сколько-нибудь серьезной мере. Подобная приверженность правилам, установленным на заре 3-го *бакуфу* характерна для большинства сфер жизни эпохи Токугава, однако именно она во многом явилась причиной, по которой в конце эпохи система являлась скорее обузой для государства, чем удачным способом контроля периферийных территорий. Неуклюжее ее реформирование в 1860-х, а затем поспешная попытка отменить реформу в итоге стали «самоубийственным» ударом для *бакуфу*, дальнейшее существование которого итак находилось под угрозой.

Глава 2. Роль системы в экономическом развитии Японии.

2.1 Влияние на финансовое состояние княжеств.

В плане экономики, система *санкин ко:тай* в первую очередь влияла на отдельные княжества, вынуждая князей тратить огромные суммы как на подготовку и осуществление переездов из столицы и обратно в княжества, так и на содержание столичных резиденций.

Фактические расходы на поездки в Эдо зависели от численности сопровождающих князя, а так же от удаленности княжества от столицы. Они также варьировались от периода к периоду, в соответствии с финансовым состоянием княжества в данный момент времени.

Рассмотрим княжество Вакаяма с доходом в 555000 *коку*. В начале XIX века этот удел имел доход около 340000 *рё* в денежном измерении. Затраты на поездку в столицу (расстояние 146 *ри*) в 1831 году составили 8650 *рё*, выплаты самураям, отправившимся с князем, составили 4280 *рё*, что делает общую стоимость одностороннего путешествия 12930 *рё*.⁸⁸ Другими словами, около 3,8% денежных доходов удела были непосредственно затрачены на компенсацию расходов одной только поездки в столицу.

Крупнейшее княжество *тодзама* – Кага имело денежный доход в размере 6475 *каммэ* серебра (около 107900 *рё* золота) в 1803 году, ежегодные расходы на поездки *даймё* в Эдо были оценены в 339 *каммэ* (5770 *рё*),⁸⁹ или 5,2 % от общего дохода княжества.

Княжество Сацума (7709800 *коку*) было наиболее удаленными от Эдо (411 *ри*) княжеством. Путь из него в столицу обычно длился около пятидесяти дней и поэтому стоил довольно дорого. Стоимость односторонней поездки в Эдо, согласно расчетам, сделанным в 1801 году,

⁸⁸ Tsukahira T.G. Op.cit. pp. 88.

⁸⁹ Ibid. p.89.

была 850 *каммэ* (14167 *рё*). К сожалению, нельзя точно оценить доход княжества в то время, но, согласно примерной оценке, денежные доходы князя Симадзу в начале девятнадцатого века составляли приблизительно 9000 *каммэ* (примерно 150000 *рё*).⁹⁰ Если использовать данную приблизительную цифру, затраты на путешествие *даймё* Сацума в столицу составляли около 9,4% от его денежного дохода.

Даймё княжества Такасаки в 1833 году имел денежный доход в 33500 *рё*. Его расходы на поездку в Эдо составили 900 *рё*, еще 450 *рё* было потрачено на жалование свите. Таким образом, общая сумма расходов на поездку составила около 1350 *рё* или примерно 4% от денежных доходов княжества. Княжество Итакура в 1852 имело денежный доход 17000 *рё*. Расходы на *санкин* составили 2000 *рё* или 11,8% от его дохода. В 1856 в княжестве была утверждена программа экономии денежных средств, в рамках которой были сокращены и расходы на поездки в столицу – до 1500 *рё*. Однако, данная сумма все равно составляла примерно 8% от годового дохода княжества (19000 *рё*).⁹¹

Даймё, как государственные путники, имели право оплачивать услуги почтовых станций, постоялых домов и переправ по сниженной ставке, однако, затраты все равно оставались обременительными в виду большой численности процессий. Так, за одну ночь постоя процессии княжества Кага на станции Итоигава в 1818 году было уплачено 392 *кан* 940 *мон*.⁹² Сюда входила стоимость постоя князя и его ближайших вассалов, самураев среднего класса, рабочих, которые следовали вместе с процессией от замка Канадзава и тех, кого князь нанимал на почтовых станциях, а так же корм для арендованных лошадей и лошадей князя. В среднем, по пути до Токио процессия Кага останавливалась на ночлег 12 раз.

⁹⁰ Ibid. p. 88.

⁹¹ Ibid. pp. 89-90.

⁹² Ваганабэ Ё:ко. Указ.соч. с.43.

Переправа через реку в середине эпохи Эдо стоила: один переход 10 мон, 2 – 30 мон, 3 – 39 мон, но с 1742 расценки выросли. Таким образом, переправа через реку Саигава для процессии княжества Кага стоила 94000 мон для людей (47 мон на 2000 человек) и 24000 мон для лошадей (120 мон на 200 лошадей), в общей сложности – 118000 мон.⁹³

Расходы на дорогу до Эдо и обратно в среднем занимала от 4 до 10% от общего годового дохода княжеств, однако, не она была главной статьей расходов, связанной с обязательствами *даймё* по системе *санкин ко:тай*. Изрядная часть дохода княжеств уходила на содержание столичных резиденций и жалование состоящим на службе самураям. Те из них, кто собирался оставаться в столице на год вместе со своим князем, так же получали особую надбавку к стандартному жалованию, так как жизнь в столице была невероятно дорогой в сравнении с жизнью в домашнем уделе, и стоимость ее постоянно росла.

Жизнь в Эдо требовала дополнительных затрат и от главы княжества, так как в столице необходимо было поддерживать определенный уровень жизни дабы не потерять авторитет в глазах остальных *даймё* и *бакуфу*. Кроме того, в обязанности *даймё* так же входило предоставлять средства и работников для нужд *бакуфу*, будь то ремонтные службы или охрана замка. Так, расходы в Эдо княжества Увада составили 10000 рё (84% годового дохода), из них 2160 – оплата жалования самураям, охрана замка Эдо – 1500 рё, поддержание дорог Эдо – 3000 рё, иные траты – 3000 рё.⁹⁴

В среднем, все *даймё* тратили 60-80% годового дохода княжества за пределами этого самого княжества. Историк Датэ Кэндзи в своем исследовании расходов княжеств вывел процентное соотношение расходов

⁹³ Там же.

⁹⁴ Комада Ко:та. Указ.соч. с.222.

для княжеств *фудаи* и *тодзама*, взяв за основу по пять представителей каждой группы:⁹⁵

Княжество (размер в <i>коку</i>)	Год	Расходы в уделе (%)	Расходы в Эдо	Расходы в Осака-Киото	Итого
<i>Фудаи</i>					
Сё:наи(140 000)	1702 - 1706	18	82	0	82
Нагаока (74 000)	1864 - 1865	16,9	79,3	3,8	83,1
Синдзё: (68 200)	1855	23	77	0	77
Кисивада (53 000)	1776	10	84	0	84
Мацуяма (50 000)	1850	16,7	77,8	5,5	83,3
<i>Тодзама</i>					
Кага (1022700)	1747	31	59	10	69
Тоса (242 000)	1830- 1843	25,4	62,3	12,3	74,6
Курумэ (210 000)	1814	28	40	32	72
Акита (205 800)	1745	24	72	4	76
Хиросаки (100 000)	1816	36,5	63,5	0	63,5

Траты в Осака и Киото так же можно упомянуть в контексте столичных расходов в виду того, что в большинстве своем они так или иначе были связаны с системой *санкин ко:тай*. В Осака основные расходы были связаны с разгрузкой прибывающих судов, а так же торговлей, с помощью которой *даймё* конвертировали натуральный налог рисом, собираемый в своей

⁹⁵ Tsukahira T.G. Op.cit. pp. 99-100.

провинции, в необходимый для жизни в столице денежный его эквивалент. Расходы в Киото заключались в основном в покупке одежды для князя и его семьи и мебели для столичных усадеб.

Интересной особенностью является то, что в среднем княжества группы *тодзама* тратили меньше денег на проживание в Эдо. Вероятно, это связано с тем, что *фудай даймё* должны были посещать столицу чаще, чем *тодзама*, к тому же, многие из них находились на должностях, требовавших от них постоянного пребывания в Эдо. Однако, известно, что «домашние» счета княжеств Кага, Курумэ и Хиросаки включали в себя пункты, которые стоило бы отнести к «внешним» расходам: деньги на дорогу до Эдо, дополнительное жалование самураям, командированным в столицу, а так же стоимость даров, отправленных в Эдо.⁹⁶

Подобные траты сильно подрывали экономическое состояние княжеств, однако, *даймё* неохотно шли на сокращение численности и украшений процессий, так как это являлось вопросом престижа. Ряд княжеств пытался экономить в пути, к примеру, снаряжая вместе с собой «полевую кухню» и штат поваров и избегая посещений чайных домов, в обилии находившихся вдоль дорог. Однако подобные мероприятия не могли остаться незамеченными, и пагубно сказывались на имидже княжества. Так, существует ряд сатирических стихов, высмеивающих скупость того или иного княжества. Один из них выглядит следующим образом:

Правитель Корияма,
С доходом в 150 000 *коку*,
На чай дает лишь 200 *мон*.⁹⁷

⁹⁶ Ibid. P. 101.

⁹⁷ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.30.

Дабы избежать подобных неприятностей, князьям приходилось брать займы у купцов. Типичную ситуацию финансового состояния княжеств можно увидеть в одном из докладов княжества Сё:наи:

«Производственная мощность [удела] господина – 51000 *коку* сверх официальной оценки в 140000 *коку*, или в общей сложности 191000 *коку*. Его фактический доход варьируется каждый год, но средний годовой доход за последние десять лет составлял примерно 210000 *хё*: (84000 *коку*). Дополнительный доход в рисе от прочих налогов и других источников составил 27000 *хё*: (10800 *коку*), что делает его общий годовой доход риса 237000 *хё*: (94800 *коку*). Из этой суммы 172000 *хё*: (68800 *коку*) каждый год уходит на хозяйство господина, его вассалов в Эдо и Сё:наи, оставляя средний годовой избыток 65000 *хё*: (26000 *коку*). Средства, полученные [от продажи этих излишек] варьировались из года в год в соответствии с ценой риса, но в течение десяти лет составили, в среднем, около 16000 *рё* в год. Плюс 8900 *рё* из разных денежных налогов. Специальный рисовый налог, взимаемый за этот период с вассалов и арендаторов земли в деньгах составил еще 11 000 *рё*. В общей сложности, 35900 *рё*. Что же касается расходов, ... расходы на проживание и особые потребности в Эдо и Сё:наи в настоящее время в общей сложности составляют примерно 48000 *рё* в год. Таким образом, существует, дефицит в 12000 *рё*. Поскольку, так же наличествуют процентные выплаты по кредитам 15000 *рё* в год, общий годовой дефицит составляет 27000 *рё*. Задолженности княжества в последние годы неуклонно растут, и в настоящее время достигли суммы около 80-90000 *рё*».⁹⁸

Таким образом, исполнение служебного долга *даймё* в рамках системы *санкин ко:тай* стоило князьям до трех четвертей их годового дохода. Подобные траты оставляли казну княжеств практически пустой, и в случае чрезвычайных ситуаций, таких как пожары в столичных резиденциях или замке, князь не сразу мог найти необходимые на восстановление средства, и в

⁹⁸Quoted in Tsukahira T.G. Op.cit. p. 85.

большинстве случаев, данная проблема решалась взятием кредита у купцов и *ли бакуфу*, что только усугубляло финансовое состояние княжеств. Несмотря на подобную ситуацию, многие князья с неохотой шли на сокращение расходов в этой сфере, так как процессии изначально носили демонстрационный характер, и сделать ее скромнее означало «потерять лицо». В целом, именно система *санкин ко:тай* является причиной неутешительного финансового состояния практически всех княжеств Японии к концу эпохи Токугава.

2.2 Влияние системы на развитие дорожно-транспортной системы Японии.

Роль системы *санкин ко:тай* не ограничивалась только лишь влиянием на экономику отдельных княжеств. Регулярные шествия князей со своими свитами стимулировали развитие дорожно-транспортной системы, а так же влияли на процессы урбанизации в Японии эпохи Токугава.⁹⁹

Придя к власти Токугава Иэясу, основной задачей которого на тот момент было объединение разрозненных княжеств под своей властью, обратил внимание на дорожную систему, так как именно она являлась связующим звеном между центром и периферийными территориями. В 1601 году началось строительство «Пяти трактов»¹⁰⁰, активное участие в котором приняли и сами *даймё*, предоставляя рабочую силу и строительные материалы. Дороги создавались в первую очередь для государственных нужд и использовали их в основном государственные посыльные и чиновники *бакуфу*.¹⁰¹ По пяти трактам же было предписано путешествовать и князьям во время их визитов в столицу и обратно, наибольшей популярностью пользовался тракт Токайдо: . После утверждения системы *санкин ко:тай* как обязательной количество путешественников возросло за счет процессий

⁹⁹ Traganou J. The Tōkaidō Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan. Taylor & Francis e-Library, 2005. p.17.

¹⁰⁰ 五街道(гокайдо:) дорожная сеть государственного значения, состоявшая из пяти трактов: Токайдо:, Никко:кайдо, О:сю:кайдо:, Накаямадо:, Ко:сю:кайдо:

¹⁰¹ Saxonhouse. G.R. Op.cit. p.744.

князей, по сути, они являлись основной категорией путешественников вплоть до эпохи Гэнроку (1688-1704).¹⁰² Именно подобный рост числа клиентов стал основным стимулом развития дорожно-транспортной системы и двигателем экономического развития постоянных дворов и различных заведений, располагавшихся вдоль дорог.

К 1604 году правительство Токугава взяло под контроль все почтовые станции, располагавшиеся на дорогах, назначив одни официальными (*сюкуэки* - 宿 駅) и вынудив закрыться те, которые не находились в прямом подчинении правительства.¹⁰³ Официальным почтовым станциям разрешалось пользоваться землей без уплаты налогов, так же они получали стипендии от государства. В обязанности же станций входили различные транспортные услуги, такие как обеспечение путешественников лошадьми и рабочими, а так же содержание как минимум одного постоянного двора – *хондзин* (本 陣) для путешественников на службе у *бакуфу*. К концу становления системы пять трактов насчитывали около 250 почтовых станций, выполнявших различные функции по обеспечению почтово-транспортного сообщения на территории Японии, в первую очередь для государственных нужд. Карта дорожной сети Гокайдо: и почтовых станций – *сюкуэки* приведена в приложении 4.

Бакуфу создало трехуровневую систему тарифов на услуги, предоставляемые почтовыми станциями. В первую категорию путешественников, транспортные и рекреационные услуги которым предоставлялись бесплатно, входили ряд должностных лиц *бакуфу* и императорского двора, а так же государственные посланники, доставлявшие грузы и почту к императорскому дому, двору *сёгуна*, а так же официальную переписку между правительством и удельными князьями.

¹⁰² Shores M.W. Travel and "Tabibanashi" in the Early Modern Period: Forming Japanese Geographic Identity// Asian Theatre Journal Vol. 25, №. 1, Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008. p.103.

¹⁰³ Vaporis, C.N. Post Station and Assisting Villages. Corvée Labor and Peasant Contention// Monumenta Nipponica, 1986. p. 378.

Путешественникам второй категории транспортные услуги предоставлялись по фиксированной ставке, однако, если существовала необходимость, к примеру, в дополнительном количестве лошадей, превышающем установленный правительством минимум, путник должен был оплатить полную рыночную стоимость услуги. В эту категорию путешественников и входили *даймё* и их вассалы, направлявшиеся в Эдо или свой удел. Помимо князей в данную группу так же входило преобладающее большинство чиновников *бакуфу*, хранитель и охранники замка Симпу, охранники замков Нидзё и Осака, а так же посыльные домов *госанкэ*.

Третья же категория путешественников состояла из простолюдинов, которым не предоставлялось никаких привилегий в вопросе стоимости тех или иных услуг транспортного характера. Путешественники данной группы должны были самостоятельно договариваться с носильщиками и владельцами лошадей, и оплачивать полную стоимость их услуг, которая колебалась в зависимости от ценности провозимого груза и других факторов, и была примерно вдвое больше фиксированной ставки.¹⁰⁴

Подобная организация почтовых станций дополнительно свидетельствует о государственном характере их службы, направленной в первую очередь на поддержание сообщения между столицей и высшими управленческими слоями периферийных областей. Помимо привилегий в вопросах оплаты транспортных услуг так же существовало правило, согласно которому путешественники обслуживались не в порядке «живой очереди», а исходя их важности их дела с точки зрения государства. Так, в случае прибытия на постоянный двор *даймё* со своей процессией, все свободные работники и лошади уходили в услужение ему, полностью игнорируя путешественников третьей группы.

¹⁰⁴ Ibid. pp. 380-381.

Увеличение количества путешественников после утверждение системы *санкин ко:тай* как постоянной и обязательной побудило *бакуфу* в конце 1630-х начале 1640-х издать указы об увеличении транспортной рабочей силы, содержащейся на почтовых станциях. Тем, что находились на Токайдо, было велено увеличить количество носильщиков и лошадей до 100, располагавшиеся на Нанкасэндэ должны были содержать по 50 рабочих и лошадей, остальные же располагали по 25. Так же, ряду почтовых станций было разрешено держать по 5 «резервных» лошадей и работников на случай экстренных ситуаций. *Даймё* имели право распоряжаться половиной рабочей силы, присутствовавшей на почтовой станции и пользоваться их услугами на протяжении от одного до трех дней в зависимости от статуса. В случае задержки или рекрутирования большего количества работников стоимость их услуг оплачивалась полностью, без учета «скидок» *бакуфу*.¹⁰⁵ Однако, даже не смотря на это, занимать людей и животных более чем на три дня, а так же чрезмерно эксплуатировать их запрещалось.

Однако, даже после издания подобных указов, почтовые станции не могли поддерживать требуемое количество работников и вьючных животных, так в 1724 только 9 из 57 станций Токайдо: соответствовали данным требованиям. Располагавшаяся на Нанкасэндэ: почтовая станция Таруи в 1681 году могла предоставить только 26 из 50-ти необходимых работников, в 1689 она смогла рекрутировать уже 35, но в 1703 их число снова сократилось до 31.¹⁰⁶ Станции не могли справиться с растущим пассажиропотоком. Численность и пышность одних лишь процессий *даймё* к эпохе Гэнроку (1688-1704) все возрастала, росла так же популярность паломничеств и путешествий у простого населения страны, и вскоре стал очевиден тот факт, что почтовые станции в старой своей организации не в состоянии справиться с исполнением своих прямых обязанностей.

¹⁰⁵ Ibid. p. 381.

¹⁰⁶ Ibid. p. 382.

Дабы улучшить положение почтовых станций и наладить дорожно-транспортную систему в целом в 1694 году *бакуфу* официально установило систему *сукэго*: (助郷), согласно которой для каждой почтовой станции на пяти трактах определялись «вспомогательные» деревни, которая должны были предоставлять для почтовых нужд работников и лошадей. Некоторые проявления данной системы наблюдались и в более ранний период, однако именно в это время система была установлена законодательным путем. В 1721 г. был издан приказ о том, что расположенные у трактов поселения должны поставлять лошадей и рабочую силу на постоянной основе. Такие деревни получили название *дзёсукэго*: (定助郷). С каждых 100 *коку* годового дохода они должны были поставлять 3-4 лошадей и 5-6 работников. Этим же приказом определялось, что в случае недостачи людей и транспортных средств в *дзёсукэго*: повинность распределялась и на другие деревни — *дайсукэго*: (代助郷). Но через 4-5 лет эта разница исчезла. Если раньше *сукэго*: была действительна в пределах 2-3 *ри* от тракта, то к концу 30-х годов к *сукэго*: относились и деревни, расположенные в 10 *ри* и дальше. Те деревни, которые вследствие удаленности от дорог не могли участвовать в ее выполнении, выплачивали определенное количество риса или денег.¹⁰⁷

Решение правительства Токугава ввести подобную систему напрямую связано с действием системы *санкин ко:тай*. Для нужд государственных посланников и иных высших чиновников *бакуфу* вполне хватало того объема услуг, которые могли оказать почтовые станции до официального введения системы вспомогательных деревень. Забота о нуждах простых путешественников и вовсе не входила в круг интересов *бакуфу*, для правительства скорее было выгодно сокращение числа свободно передвигающихся по стране простолюдинов. А вот после утверждения системы *санкин ко:тай* как обязательной, действительное положение дел на

¹⁰⁷ Николаева О.С. Документы по истории японской деревни. Часть 1. Конец XVII – первая половина XVIII в. М., Наука, ГРВЛ, 1966. с.146.

почтовых станциях начало стремительно ухудшаться. Даже не смотря на то, что *бакуфу* издавало официальные указы с рекомендациями сокращать численность процессий и даже вносило подобные правки в текст «*Букэ сёхатто*», *даймё* не спешили проявлять скромность в данном вопросе, так как размер и пышность процессии были для них вопросом статуса.

Пышные и многочисленные процессии *даймё* явились так же косвенной причиной активного распространения так называемых «неофициальных» дорог. Вся система почтовых станций была направлена в первую очередь на обслуживание лиц, путешествующих по государственным нуждам, и именно им оказывали услуги в первую очередь, кроме того, услуги эти оплачивались по фиксированной ставке или вовсе осуществлялись на безвозмездной основе. Частные путешественники могли получить сменных лошадей или работников только в том случае, если в данный момент почтовая станция не занималась делами государственных лиц. Сезоны путешествия *даймё* в столицу или обратно, а так же их маршруты были строго определены, и зачастую процессии передвигались в строгом порядке, плавно сменяя друг друга. В таких условиях для торговцев и обычных путешественников передвижение по тракту Токайдо:, к примеру, превращалось в бесконечное ожидание свободных лошадей.

Подобное положение дел заставило торговцев искать альтернативные маршруты для своих передвижений за пределами официальной системы дорог. Подобные частные и нелегальные дороги были привлекательны для отдельных путешественников, так как официальные государственные лица проходить по ним не могли, а значит, не приходилось днями ожидать пока почтовая станция закончит заниматься их делами.

На подобных неофициальных дорогах зародилась частная транспортная система, представители которой предлагали путешественникам более выгодные условия перевозок, нежели те, что существовали в рамках

официальной транспортной системы. В частности, существовала сеть перевозок грузов на лошадях, где путешественник мог арендовать 4-5 животных, в то время как на пяти трактах он мог рассчитывать только на одну, да и то, если она была свободна. Разнилась так же и скорость передвижения, в то время как на официальных дорогах лошадей необходимо было менять каждые 8-10 километров, на неофициальных дорогах без перезагрузок можно было пройти 32-36, а на длинных перегонах и 80-120 километров.¹⁰⁸ Неудивительно, что подобная система вскоре навлекла на себя недовольство *бакуфу*, однако устранить ее полностью правительство было не в состоянии. Удалось только ограничить тип товаров, которые можно было перевозить по данным дорогам, а так же обложить их налогом.¹⁰⁹

Европейские путешественники не раз отмечали превосходные организацию и состояние дорог Японии по время своих путешествий. Так, Кемпфер пишет, что: «дороги вообще хороши, содержатся порядочно и так широки, что на них свободно движутся огромные массы путешественников...».¹¹⁰ Подобное состояние дорог является следствием постоянного контроля за их качеством со стороны государства. Однако *бакуфу* не было главным инспектором дорожной ситуации в Японии эпохи Токугава, это было поручено *даймё*, по территории княжеств которых проходили вышеупомянутые дороги. Князья были обязаны инспектировать почтовые станции и те участки дорог, которые находились в их владении, на предмет надлежащего их состояния. В случае неудовлетворительного состояния дорог *даймё* был обязан снарядить ремонтную бригаду. Состояние самих почтовых станций так же тщательно проверялось. Так, княжество Одавара, к примеру, отвечало за почтовую станцию Хаконэ, а так же за участок дороги, на котором она находилась.¹¹¹ Нередки случаи, когда

¹⁰⁸ Wigen, K. Op.cit. pp. 47-50.

¹⁰⁹ Vaporis C.N. Linking the Realm: The Gokaidō Highway Network in Early Modern Japan (1603–1868)// Highways, Byways, and Road Systems in the Pre-Modern World . Wiley-Blackwell 2012. p.99.

¹¹⁰ Зибольд Ф. Указ.соч. с. 218.

¹¹¹ Vaporis C.N. Linking the Realm: The Gokaidō Highway Network in Early Modern Japan (1603–1868). p.97.

состояние всех пяти трактов в целом поддерживалось силами всех князей страны.¹¹²

Так же за дорогами осуществлялся дополнительный уход в сезоны проезда кортежей *даймё* в столицу и из нее. Все поселения, прилегающие к трактам, заранее оповещались о прохождении процессий по той или иной местности и крестьянам вверялось приводить дорогу в надлежащий вид. Дороги тщательно выметались, вдоль обочин насыпали горки песка, на случай неожиданного дождя и образования луж. В засушливые дни песок наоборот, поливался водой, чтобы сбить пыль. Для отдохновения путников через каждые 10-12 км сооружались беседки с листовым навесом.¹¹³

Дорожно-транспортная система испытала на себе огромное влияние со стороны системы *санкин ко:тай*. С одной стороны, дороги сооружались силами князей и для князей, а так же иных чиновников *бакуфу*. Утверждение системы как официальной дало толчок новому витку развития дорожно-транспортной сети вследствие возросшего пассажиропотока. Однако, с другой стороны, многочисленные роскошные процессии являлись скорее обременительными для постоянных дворов и придорожных заведений. Почтовые станции и перевозчики должны были в первую очередь обслуживать *даймё*, причем, делать это по фиксированной ставке, в то время как более выгодные предложения от торговцев и иных путников отходили на второй план. Подобная ситуация тормозила развитие дорог как системы сообщения для среднего и низшего классов населения. Впрочем, это никогда и не входило в задачи правительства Токугава.

2.3 Роль системы в процессах урбанизации в эпоху Токугава.

Заметное влияние система *санкин ко:тай* оказала так же на процессы урбанизации в Японии эпохи Токугава. Несомненно, городом, испытавшим

¹¹² Комада Ко:та. Указ.соч. С. 219.

¹¹³ Прасол А. Указ.соч. с.131.

наибольшее влияние от данной системы, является, Эдо. Однако и другие крупные города Японии так же были подвержены определенному влиянию.

После утверждения Эдо как столицы нового правительства Токугава город ожидаемо начал активно развиваться. Токугава Иэясу привлекал к этому развитию удельных князей, вынуждая их предоставлять строительные материалы и рабочую силу для обустройства новой столицы. Однако только этим роль *даймё* в становлении Эдо не ограничивалась.

Каждый *даймё* был обязан содержать в столице жену и наследника, для этих целей необходимо было выстроить личную усадьбу, а то и несколько. Каждому из князей правительство отводило участки земли на территории города, где *даймё* были обязаны выстроить свои резиденции. Земля не отдавалась в «наследное» пользование, собственником оставалось *бакуфу*.

В среднем, каждому *даймё* жаловалось по два участка земли. Первый, ближайший к дворцу *сёгуна*, предполагался для строительства «верхней резиденции» (上屋敷 – *ками ясики*). *Ками ясики* были главной резиденцией князей и их ближайших родственников и старших должностных лиц. Верхние резиденции также функционировали в качестве официального административного центра княжества в Эдо.

«Средние усадьбы» (中屋敷 – *нака ясики*) строились в некотором отдалении от замка и были, как правило, более масштабны и внушительны, так как вопрос экономии земли не стоял столь остро, как в районах при замке Эдо, где земельные наделы, пожалованные на строительство князьям, были куда меньше. *Нака ясики* становились резиденциями наследника, князя, удалившегося от административных дел, матери действующего *даймё*, а так же выступали и жилищем самого князя в случае пожара или ремонта в главной усадьбе. Некоторые богатые княжества, такие как Тоса, отстраивали несколько «средних» резиденций.

Помимо верхних и средних, существовали так же «низшие» (下屋敷 – *симо ясики*) усадьбы. Практика их строительства поучила повсеместное распространение после пожара Мэйрэки в 1657 году, когда *бакуфу* повелело построить дополнительные резиденции на случай повторения бедствий подобного масштаба.¹¹⁴ В большинстве случаев *симо ясики* становились неким подобием виллы для отдохновения князя, где, впрочем, мог так же поселиться и ушедший в отставку князь.¹¹⁵

Количество резиденций, их размер и оснащённость варьировалась от размера княжества. Так, на территории *ясики* крупных княжеств помимо усадьбы самого князя находилось административное здание, жилища вассалов, а так же площадка для военных упражнений и конюшни. Дом Икэда, княжество Тоттори, владел десятью усадьбами, дом Мори из Тё:сю: – девятью, боковые ветви Токугава из Кии, Датэ и Сэндая владели каждый по восемь¹¹⁶, а Мориока из Нанбу – семью.¹¹⁷

Бакуфу регулировало размер владений для каждого княжества исходя из его богатства и статуса. Княжества, производительная мощность земель которых находилась в рамках 10-20 тысяч *коку*, должны были довольствоваться земельными участками 2500 *цубо* (около 8265 м²), в то время как княжествам с доходами в 100-150 тысяч *коку* разрешалось иметь резиденции площадью 7000 *цубо* (23141 м²).

На деле эти ограничения зачастую игнорировались, существовали и такие поместья, площадь которых превосходила норму в 10 раз. Дом Датэ из княжества Увадзима (100000 *коку*) владел пятью усадьбами, общая площадь которых составляла 86278 *цубо*, а дом Мацудайра из Мацуяма (150,000 *коку*)

¹¹⁴ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. pp.131-133.

¹¹⁵ Комада Ко:та. Указ.соч. с. 214.

¹¹⁶ Tsukahira T.G. Op.cit. p. 91.

¹¹⁷ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.134.

– семью, общая площадь которых равнялась 71460 *цубо*.¹¹⁸ Самыми крупными же были резиденции дома Кага, площадь четырех резиденций которого равнялась 320000 *цубо* (1059200 м²).

В общей сложности же *даймё* владели более чем 600 усадьбами на территории столицы. Таким образом, масштабные усадьбы *даймё* составляли достаточно большую часть Эдо. Согласно исследованиям, проведенным во втором году эпохи Мэйдзи, 68,6% построек в Эдо составляли дома военного сословия, храмовые земли занимали 15,6%, постройки горожан – 15,8%.¹¹⁹

Люди, так или иначе состоящие на службе у *даймё*, составляли изрядную долю населения Эдо. Количество служащих зависело от размеров того или иного княжества. Так, согласно данным 1853 года, постоянный штат в Эдо самого большого княжества Кага составлял 2390 человек.¹²⁰ Данные о численности населения в Эдо для некоторых других княжеств приведены в приложении 5.¹²¹ Кроме того, в столице находились наемные рабочие, у воинов, постоянно проживающих в столице, так же были свои семьи, которые не были включены в данный расчет.

Население Эдо к середине эпохи составляло около 1 100 000 человек. По примерным оценкам доля населения, так или иначе связанного с *даймё*, составляла около 300 000 тысяч человек.¹²² Данная цифра является примерной, так как численность населения Эдо варьировалась на протяжении года. Численность вассалов и простых служащих каждого князя так же зависела от того, находится ли князь в столице или домашнем замке, а так же, сколько времени прошло после его приезда.

Можно выделить, по крайней мере, четыре категории лиц, состоящих на службе князя и так или иначе участвовавших в поездках в столицу. Первая

¹¹⁸ Tsukahira, T.G. Op.cit. p. 91.

¹¹⁹ Комада Ко:та. Указ.соч. с. 214.

¹²⁰ Там же. С. 214.

¹²¹ Приложение 5.

¹²² Там же. С. 214.

группа – *татакаэри* (立ち歸り), сопровождали князя по дороге в столицу, а по его прибытию сразу же отправлялись в удел. Вторая группа – *отомо* (お供), сопровождали *даймё* по дороге в Эдо. Подавляющее большинство людей, прибывавших с князем, оставались с ним на год и были известны как *эдо кимбан моно* (江戸勤番者). Представители этих групп приходили в Эдо без семей, оставляя их в домашнем уделе. Третья же группа служащих оставалась в столице на более долгий срок и именовалась *дзё:фу* (定府). Подобная должность позволяла перевезти в Эдо свои семьи. В резиденции зачастую находилось некоторое число посыльных, которые, как и *татакаэри*, получали короткий отдых после исполнения своих обязанностей, а затем снова возвращались в удел.¹²³

Таким образом, вассалы и служилые люди различных мастей составляли 23-30% населения столицы. На данный момент точных статистических данных не обнаружено, однако по примерным оценкам после отмены *санкин ко:тай* столица за 7 лет потеряла половину своего населения. Так автор «*Гэндзи юмэ моногатари*» описывает ситуацию в столице после масштабной реформы системы в 1862 году, по сути, явившейся ее концом:

«В результате, все *даймё* и *хатамото*, которые владели землями, отослали своих жен и детей в свои домашние уделы, и в мгновение ока, процветающий город Эдо стал подобен пустыне, так что все союзные дому Токугава *даймё* и вассалы *бакуфу* всех рангов, и горожане тоже, скорбели и сокрушались».¹²⁴

По всей вероятности, данное описание содержит художественное преувеличение, однако согласно статистическим данным, после реставрации

¹²³ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.104.

¹²⁴ Baba Bunyei. Japan 1853-1864, or, Genji yume monogatari / translated by Sir Ernest Mason Satow. Tokyo: [Naigwai Shuppan Kyokwai], 1905. p.61.

Мэйдзи потребовалось 20 лет, чтобы численность населения столицы приблизилась к уровню конца эпохи Эдо.¹²⁵

Помимо непосредственного пополнения населения за счет самурайского сословия, система *санкин ко:тай* так же влияла и миграцию из периферийных областей в крупные города. Для обеспечения того уровня жизни, к которому были привычны удельные князья, в столице необходимо было присутствие как торговцев, снабжавших резиденции необходимыми товарами, так и наемной рабочей силы. Столица представлялась для жителей деревни привлекательным городом с гарантированной возможностью трудоустройства и более легкого заработка, нежели были в деревне.

Повлияла система *санкин ко:тай* и на развитие одного из трех крупнейших городов Токугавской Японии – Осака. Большинство князей перед въездом в столицу останавливались в Осака на некоторое время, для тех же, кто проделывал часть путешествия морем, Осака становился обязательным пунктом, так как прибытие морем непосредственно в Эдо было запрещено.

Регулярные посещения Осака *даймё* со своими свитами так же, как и в случае с Эдо, создавали привлекательный образ города с точки зрения возможного трудоустройства для большого количества горожан. Процессиям требовалась рабочая сила для отгрузки багажа и товаров с кораблей, необходима она была и для должного обслуживания значительного количества князей, находящихся в одном городе в одно время.

Кроме того, в Осака князья продавали собранный в виде риса натуральный налог со своих уделов, так как для жизни в Эдо требовались именно денежные средства. На продажу отправлялись так же товары местного производства, которые процессия привозила с собой с целью продажи для получения необходимых сумм для проживания в столице.

¹²⁵ Ichicawa, H. Op.cit. p. 191.

Регулярные остановки князей в Осака по дороге в Эдо, а так же их острая необходимость в деньгах для поддержания должного уровня жизни для себя и своих вассалов, дали мощный толчок для развития Осака как крупного торгового центра и ключевого узла дальнейшего распространения товаров по двум другим крупным городам, а так же, отчасти, перифериям, так как члены процессий и старшие вассалы князей не упускали возможности купить диковинные для своей местности объекты материальной культуры в качестве сувениров для своих семей или личного пользования.

Помимо влияния на развитие центральных городов государства система *санкин ко:тай* так же косвенно влияла и на развитие призамковых городов. В обязанности каждого князя входило поддержание дорог и постоянных дворов в своем уделе на должном уровне, дабы прохождение процессий других княжеств не встречало никаких трудностей. Большинство дорог проходило через призамковые города, бывшие административным центром княжеств, и потому каждый князь старался расширять и развивать свой город, как из практических соображений, так и из желания произвести впечатление на потенциальных соперников.

В целом, система *санкин ко:тай* оказала мощное стимулирующее влияние на развитие всех городов Японии эпохи Токугава, однако, несомненно, наибольшее влияние испытали Эдо и Осака. Для Эдо князя, его семьи и вассалы, составляли изрядную долю населения. Так, исследователь Константин Вапорис называет данную систему «основным источником роста населения» столицы.¹²⁶ Постоянное нахождение в столице удельных князей, их семей и старших вассалов, по факту являвшихся элитой Токугавского общества, рождало потребность как в специализированной, так и в низко квалифицированной рабочей силе, необходимой для обеспечения высокого

¹²⁶ Vaporis, C.N. Linking the Realm: The Gokaidō Highway Network in Early Modern Japan (1603–1868)// Highways, Byways, and Road Systems in the Pre-Modern World . Wiley-Blackwell 2012. p.166.

уровня жизни. Этот факт создавал Эдо привлекательный образ своего рода «города возможностей», что способствовало миграции простого населения.

2.3 Влияние системы на общую экономическую ситуацию в Японии.

Для жизни в столице необходимы были денежные средства, но большинство княжеств получало доходы в виде натурального налога рисом. Чтобы получить необходимые денежные средства, собранные налоги и товары, на производство которых у князей была монополия, отправлялись на рынки Осака и Эдо. Большинство княжеств северо-западной и западной Японии экспортировало собранный ими натуральный налог преимущественно в Осака, в то время как меньший процент княжеств северо-восточных областей отправляли товары напрямую в Эдо. Ежедневно в порту Осака разгружались суда, наполненные рисом, древесиной, бумагой и иными товарами. Заниматься продажей всех этих товаров самостоятельно князья не могли, не могли они так же и ждать, пока будет распродан весь их товар - деньги нужны были сразу и, желательно, в полном объеме. Потому распространенной практикой было своеобразное заимствование денег у купцов, взамен князья оставляли привезенный с собой товар. Купцы продавали данные товары и таким образом, засчитывали часть долга. Если вырученных от продажи денег не хватало на покрытие всей ссуды, *даймё* должен бы предоставить товары дополнительно или обязывался отдать долг золотом.

Торговцы не только получали прибыль от осуществления продаж, но так же становились владельцами больших капиталов. Князья получали от торговцев Осака своеобразные векселя, которые затем использовали для покупки розничных товаров в Эдо. В дальнейшем, уже торговцы Эдо использовали данные бумаги для покупки товаров в Осака. В рамках подобной системы между Эдо и Осака циркулировали огромные суммы, не

облагаемые никакими налогами.¹²⁷ Со временем, практически вся Япония оказалась экономически связана с Осака, который так же стал известен как "кухня государства" (天下の台所 – *тэнка-но дайдокуро*). Осака оставался во главе крупной кредитной пирамиды вплоть до эпохи Мэйдзи, когда система удельных княжеств была упразднена и князья перестали поставлять товары на рынки города.

Таким образом, система *санкин ко:тай* формировала систему кредитования в высших кругах, а так же являлась поставщиком товаров для формирования капиталов богатейших купцов как Эдо, так и Осака. Княжества отправляли товары и налоги в Осака даже тогда, когда их реализация на местных рынках казалась куда более выгодной. Так, в 1791 году младший администратор Тоса Мори Ёсики получил предложение продавать бумагу местного производства не в Осака, а на "домашнем" рынке. Однако, Мори ответил, что не смотря на всю разумность данного предложения, «если не станем отправлять товар в Осака, наше долговое положение ухудшится... Для нас невозможно прекратить отправку бумаги в Осака».¹²⁸

Товары с рынка Осака поступали как в столицу, так и в периферийные области. Так, раскопки на территориях столичных резиденций *даймё* показывают, что у их жителей пользовались популярностью товары, которые никак не могли быть произведены в том уделе, из которого происходил владелец дома. Так же присутствовали товары, имеющие отметки о месте своего производства - сушёная скумбрия из Араи (на территории усадьбы Тотоми), ферментированные соевые бобы из Одавара, большое количество рыбы из Хокурику (в жилищах самураев на территории резиденции Кага).¹²⁹ Данные товары не могли быть приобретены непосредственно у

¹²⁷ Roberts L. S. Op.cit. p.19.

¹²⁸ Quoted in Roberts L. S. Op. cit. P. 20.

¹²⁹ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.168

производителей, к тому же известно, что они являлись частью тех продуктов, которые продавались в Осака *даймё* с целью получения денег на жизнь в Эдо и оплату дорожных расходов.

Вместе со стимулированием торговли система *санкин ко:тай* повлияла так же на расширение денежного оборота на территории Японии.¹³⁰ Все услуги, предоставляемые почтовыми станциями, переправами и чайными домиками оплачивались мелкой монетой. Монетами же расплачивались и в более мелких сделках – например, во время покупки соломенной обуви для процессии, которую продавали вдоль дорог. К концу XVII века денежная система проникла даже в те деревни, основное занятие которых заключалось в сельском хозяйстве.¹³¹ Романист Ихара Сайкаку отмечал, что был удивлен, обнаружив деньги в самых отдаленных деревнях, где, как он писал, «люди думают, что высушенный морской лещ растет на деревьях, и где никто знает, как использовать зонтик».¹³²

Регулярные поездки *даймё* в рамках осуществления своего прямого долга послужили мощным толчком для развития торговли, однако, на сельском хозяйстве они сказались скорее негативно. Согласно требованиям системы *сукэго:*, деревни, лежащие в непосредственной близости пяти трактов, должны были предоставлять работников (молодых и выносливых мужчин) и лошадей на почтовые станции, в том случае, если ресурсов самой станции не хватало для обслуживания путешественников. Действительное положение почтовых станций было таково, что даже в самые спокойные с точки зрения пассажиропотока сезоны штат работников и животных не достигал необходимого минимума.

¹³⁰ Amyx J.A. Sankin kotai : institutionalized trust as the foundation for economic development in the Tokugawa era — California : Shorenstein APARC, 1997. p.14.

¹³¹ Sheldon C.D. Op.cit. pp. 197-198.

¹³² Quoted in Hibbett, H.S. Saikaku as a Realist//Harvard Journal of Asiatic Studies Vol. 15, №. 3/4, Harvard-Yenching Institute, 1952. p.411.

Пик прохождения людей через почтовые узлы приходился на сезоны, в которые *даймё* отправлялись в столицу или из нее, то есть 3-4 и 9-10 лунный месяцы. Однако именно эти сезоны были ключевыми в сельскохозяйственном цикле, и отсутствие рабочих рук на полях крайне негативно сказывалось на количестве произведенного урожая. Существуют упоминания о случаях, когда в некоторых деревнях наблюдалось значительное падение объемов урожая, и даже тот, что крестьяне собирали осенью, был получен силами детей и стариков.¹³³

Система *санкин ко:тай* стимулировала развитие коммерческой экономики и сыграла значительную роль в подготовке Японии к модернизации в XIX веке. В Японии, отрезанной от торговли с зарубежными странами, данная система была практически единственным стимулом к росту внутренней торговли и циркуляции объектов материальной культуры с периферийных территорий в столичный регион и обратно. Благоприятно система влияла и на развитие денежной экономики и дорожно-транспортной системы. Благодаря постоянным поездкам *даймё* в столицу и необходимости содержать в ней величественные резиденции активно развивался город Эдо, становясь привлекательным центром миграции беглых крестьян и иного незанятого населения страны.

Однако, вместе с положительными наличествуют и явно отрицательные эффекты. В первую очередь, именно система *санкин ко:тай* является причиной, по которой к концу эпохи Токугава финансовое состояние всех княжеств было крайне неутешительным. Необходимость тратить до 80% дохода в «трех крупных городах» крайне негативно сказывалась на состоянии всех административных структур княжества. Кроме того, она явилась причиной, по которой абсолютное большинство товаров со всей страны концентрировались и циркулировали в Эдо и Осака, что создавало экономический дисбаланс. Нельзя так же упускать из виду и того факта, что

¹³³ Vaporis, C.N. Post Station and Assisting Villages. Corvée Labor and Peasant Contention. pp 389-390.

организация дорожно-транспортной системы и почтовых станций, активно задействовавшая наиболее трудоспособное население деревень, отрицательно сказывалась на объемах урожая и состоянии отдельных деревень.

Глава 3. Функциональность системы в политической жизни.

3.1 Роль системы на высшем государственном уровне.

На момент становления нового правительства Токугава в 1603 году каждое княжество-хан по сути являлось автономной политической единицей, связанной с *бакуфу* только лишь вассальными отношениями между сёгуном и *даймё*. Одной из главнейших задач Токугава Иэясу и его сторонников было окончательное объединение Японии в единую страну и создание устойчивых связей между столицей и периферийными территориями. Именно для этих целей и внедрялась система *санкин ко:тай*.

На начальном этапе, когда посещения столицы-*санкин* еще не были закреплены законодательным образом, визиты *даймё* ко двору сёгуна, по сути, являлись политическим ритуалом, с помощью которого князья добровольно демонстрировали правителю свое признание, почтение и смирение. Во время первого визита-*санкин* князя Кага Маэда Тосинага в 1601 году Токугава Иэясу явственно продемонстрировал тому его подчиненное положение, сначала удалившись в Киото и оставив своего сына Хидэтада принимать гостя, а затем организовав прием во дворце таким образом, чтобы Хидэтада находился на некотором возвышении по сравнению с правителем Кага. Данный шаг несет в себе особую важность, так как во времена правления Хидэёси Токугава и Маэда были равными по положению, однако теперь род Токугава ясно давал понять, какое место отводилось князьям в иерархии нового государства. Кроме того, данный прием создал прецедент, которому должны были следовать и остальные *даймё*.

За исключением вышеупомянутого инцидента, в остальном принятие Тосинага в столице было организовано с большей долей гостеприимства. На протяжении всего пребывания в столице Тосинага ежедневно посещали либо сам Хидэтада, либо его главнейшие чиновники. Во время возвращения через

Осака и Киото Тосинага был удостоен встречи с Иэясу, а после прибытия в замок получил благодарственное письмо от Хидэтада.¹³⁴

Подобное сочетание унижения и лести было характерно для организации всей системы *санкин ко:тай* в последствии. Князьям оказывали теплый прием в столице, одаривали их подарками, дабы побудить их посещать Эдо, однако в то же время жестко указывали на их подчиненное положение. Визиты и поселение семей в столице в качестве заложников при жизни Токугава Иэясу совершались практически всеми князьями без указов *бакуфу*, так как мощь новоявленного правительства и сила обычаев вынуждали *даймё* делать это. Однако, с течением времени подобное положение дел могло измениться, потому еще при жизни Иэясу началось постепенное превращение визитов в столицу из актов добровольного подчинения в прямую обязанность всех князей. В 1615 году визиты-*санкин* впервые упоминаются в тексте «*Букэ сёхатто*», в 1635 определяются сроки посещения столицы для *тодзама даймё*, а в 1642 в систему включаются так же *даймё* группы *фудай*. Не смотря на превращение системы в обязательную, главная ее цель – символическое признание власти сёгуна и демонстрация подчинённого по отношению к нему положения, остается той же. К середине эпохи Токугава осуществление *даймё* визитов-*санкин* понималось уже не только как символический ритуал, но как их прямой долг по отношению к государству.¹³⁵

Во время обязательных визитов в столицу сёгун, лично или опосредованно, устанавливал прочные связи с каждым из князей в отдельности. В период своего нахождения в Эдо каждый из князей посещал замок, где происходили аудиенции и обмен дарами, равными по стоимости как со стороны сёгуна, так и со стороны *даймё*.

¹³⁴ Tsukahira T.G. Op.cit. p.38.

¹³⁵ Кё Касэй. Указ.соч. с.77.

Ко второй половине эпохи Токугава правительство использовало обязанность князей ездить в столицу и обратно через установленные промежутки времени не только для установления контроля над ними, но и для осуществления некоторых вспомогательных или благодарственных действий. Одним из наиболее простых видов оказания экономической помощи являлось не только предоставления кредита, но и простое разрешение не ехать в столицу или домашний удел. Подобные разрешения давались в сложные для княжеств времена, будь то масштабные пожары или голод. Так, в 1809 году князю Кага было дозволено не являться в столицу в течение трех лет в виду крупного пожара в удельном замке. Двухлетнюю отсрочку так же предоставили и в 1785 году из-за голода. Однако, в обоих случаях, представители дома Маэда предпочли все же явиться ко двору раньше на год, желая засвидетельствовать правительству свое почтение.¹³⁶

Отсрочки так же могли предоставляться в качестве благодарности за оказанную *бакуфу* службу. Так, *даймё* Тоса получал дозволение явиться в столицу позже на полгода в 1765 году и на четыре месяца в 1822 году. В первом случае, подобное разрешение было дано в благодарность за работы по углублению рва вокруг замка Эдо, во втором – за прибрежные работы в регионе Канто.¹³⁷

Система помогала осуществлять столь необходимый контроль над периферийными районами страны. Изначально группы *даймё*, которые должны были сменять друг друга в столице, были сформированы по географическому признаку – «западные» и «восточные», однако, вскоре от этой системы отказались и перегруппировали князей таким образом, чтобы правители соседних уделов, располагавшихся в стратегически важных периферийных районах, не находились одновременно в своих владениях. Так,

¹³⁶ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.57.

¹³⁷ Ibid. p.56.

первыми парами стали княжества Кага и Этидзэн, в дальнейшем, к ним присоединились и другие уделы.¹³⁸

Официально данный факт объяснялся необходимостью постоянного присутствия в периферийных территориях прямого вассала сёгуна для предупреждения возможных проблем и во избежание столпотворения на дорогах, но в то же время это могло помешать *даймё* соседних княжеств организовать заговор.

Фактором, предупреждающим заговоры против центрального правительства, служили так же внушительные расходы на поездки в столицу и содержание резиденций, подробно рассмотренные во второй главе. Каждое княжество тратило в среднем до 70-80% своего годового дохода на организацию путешествия, содержание процессии, ее украшение и поддержание должного уровня жизни в столице, так что средств, остававшихся в казне после всех мероприятий, так или иначе связанных с системой *санкин ко:тай*, едва хватало лишь на поддержание функционирования административного аппарата княжества. Планирование и финансирование заговора в таких условиях не представлялось возможным.

Не смотря на то, что территории княжеств фактически были наследуемыми, князья не чувствовали никакой связи с уделом, в котором правили. Будущие наследники либо рождались в Эдо, либо перевозились туда на постоянное поселение в малолетнем возрасте, потому ощущали себя скорее уроженцами столицы, чем своих «родных» уделов. Проводя по меньшей мере половину своей жизни в Эдо, князья занимали свои умы более «великосветскими» чем «военными» мыслями, предпочитая заниматься наукой или искусством.¹³⁹ В результате практики содержания будущих князей в столице, уже через несколько поколений княжества воспринимались своими

¹³⁸ Tsukahira T.G. Op.cit. p.56.

¹³⁹ Kassel M. Moral Education in Early-Modern Japan: The Kangien Confucian Academy of Hirose Tansō// Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 20, №. 4 — Nagoya:Nanzan University, 1993. p.299.

правителями лишь как источник дохода, но никак не родовое гнездо. Вместе с тем, Огю Сорай отмечает, что князья, вынужденные содержать два дома, и в Эдо жили как «в гостинице».¹⁴⁰ Подобное нестабильное положение, вызванное наличием двух домов и необходимостью постоянно курсировать между ними, отсутствие восприятия княжеств как своих «родных земель» так же должны были пресекать возможности бунтов и явно выраженных сепаратистских настроений.

Не смотря на то, что система *санкин ко:тай* послужила тормозом для развития сепаратистских настроений в отдельных княжествах, она так же являлась и причиной, по которой настоящего объединения Японии так и не произошло. Правители Токугава были озабочены установлением прочных связей между своим домом и домами князей, однако упрочнение связей между самими князьями, создание некоего чувства единения никак не входило в их задачи. В организации системы отношений между *даймё бакуфу* придерживалось скорее политики «разделяй и властвуй», искусственно насаждая чувство соперничества между князьями, используя для этого и систему *санкин ко:тай*.

Даймё делились на статусные группы исходя из оценочной производительной мощности их уделов и исторических отношений между их домами и домом Токугава. Князья более высокого статуса получали различные привилегии и в рамках системы *санкин ко:тай*. Так, они обладали преимуществом в вопросе постоя в государственных гостиницах-*хондзин*, располагавшихся на почтовых станциях. *Даймё* более низкого ранга были вынуждены искать ночлег в других местах, вплоть до перехода на другие почтовые станции или ночевки в полевых условиях.

Степень гостеприимства, оказываемая князьям в пути, так же определялась исходя из их статуса. Даже именные таблички,

¹⁴⁰ Кё Касэй. Указ.соч. с.79.

устанавливавшиеся на почтовых станциях, через которые должен был пройти *даймё*, несли в себе информацию о статусе будущего гостя. Для *даймё*, доход которых составлял более 200 тыс. *коку* риса, именные таблички устанавливались у входа, выхода и в прихожей постоянного двора, для князей с меньшим доходом – только у входа и в прихожей. Уважительный суффикс «*доно*» (殿) добавлялся в именную табличку только с отдельного разрешения *бакуфу*.¹⁴¹

Общие правила принятия процессий *даймё* включали в себя уборку улиц, расположение вдоль них ведер с водой и декоративные насыпи песка-*моридзуна*.¹⁴² Однако, как следует из записей постоянного двора станции Ягакэ в Окаяма, князьям могли оказываться дополнительные знаки уважения, такие как приветствие должностными лицами княжества при входе на станцию, сопровождение должностными лицами княжества, оповещавшими о прибытии гостя и необходимости отчистить дорогу, сооружение временных постов охраны перед гостиницей, проводы путешественников до границы должностными лицами, и так далее.¹⁴³

Однако, согласно официальным записям все той же станции, большинству князей оказывали сдержанный прием, в рамках которого проводили очищение дороги и вывешивали декоративные занавески в прихожей гостиницы. Посланники от князя удела, на территории которого находились станции, отправлялись, обычно, в случае приезда должностных лиц *бакуфу*, по отношению к *даймё* подобного гостеприимства не оказывалось, иногда только низкоранговый удельный чиновник мог послать свою именную табличку в качестве знака уважения.¹⁴⁴

¹⁴¹ Ваганабэ Ё:ко Указ.соч. с.40.

¹⁴² Хироси Курусима. Гё:рэцу-но дзидаи тоситэ кинсэи – буси,игокудзин,сайрэй-но гё:рэцу кара кинсэисякаи-о кангаэру (Новое время как «эпоха процессий» - изучение социума в Новое время на базе процессий воинов, иностранцев и религиозный праздников) URL: http://www.hawaii.edu/asiaref/japan/parades/Kurushima_Symposium%20final.pdf (дата обращения 25.04.2016).

¹⁴³ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.64.

¹⁴⁴ Ibid. p.65.

Приветствие, которым правительство-*бакуфу* удостоивало князей, так же разнилось исходя из ранга последних. *Тодзама* с доходом менее 100 000 *коку* и все *фудай*, кроме наиболее важных и родственных Токугава домов, прибывали и отбывали из столицы без особенных приветствий со стороны сёгуна. Князья же высших рангов: дома *санкэ*, важнейшие *камон* и все *тодзама* ранга высшего ранга *кокусю* приветствовались в столице одним из чиновников сёгуна, в зависимости от их статуса. Наиболее важных приветствовал и провожал советник-*ро:дзю*, князей рангом ниже приветствовал уже церемониймейстер-*сё:сябан*, но провожал *ро:дзю*. Менее почетных гостей *сё:сябан* и приветствовал, и провожал, но князей рангом еще ниже приветствовал и провожал посланник-*цуикабан*, а наименее значимых *цуикабан* посещал лишь один раз – по приезду или перед отправлением.¹⁴⁵

В целом, по отношению к князьям *тодзама бакуфу* проявляло большую степень гостеприимства, сохраняя их восприятие как гостей двора. К примеру, князей *фудай* Ии из Хиконэ (350 000 *коку*) и Мацудайра из Кувана (100 000 *коку*) встречал или провожал посланник-*цуикабан*, в то время как *тодзама* Датэ из Увадзима (100 000) провожал *ро:дзю*, а Татибана из Янагава (119 000) приветствовал и провожал *сё:сябан*.¹⁴⁶

В вопросе оформления и численности процессий так же присутствовал элемент соперничества между князьями. Члены процессий в своих записях всегда точно фиксировали численность процессий других князей, которые они встретили лично или о которых слышали во время пути.

Так, Маки Юсуомэ, самурай из княжества Курумэ оставил в пятом месяце 1844 года в своем дневнике следующую запись:

«Утренний дождь рассеялся до полудня. Я отдыхал в Мицукэ [почтовая станция], где столкнулся со свитой *даймё* Кумамото на его обратном пути к

¹⁴⁵ Tsukahira T.G. Op.cit. p.63.

¹⁴⁶ Ibid.

уделу. И по снаряжению, и по количеству мужчин и лошадей, это, вероятно, лучший князь в Японии. Я также встречался с *даймё* Тёсю, и наблюдал за ним во время отдыха в придорожном домике. Его кортеж, если сравнивать его с Кумамото, лишь вдвое меньше; однако самураи были чрезвычайно хорошо дисциплинированы и явственно видны последствия реформы. Я также встретился с *даймё* Фукуи, О:су, и Курусима, но не на что посмотреть в процессиях ни одного из них». ¹⁴⁷

Точно таким же образом Мори Ёсики, уроженец Тоса, отмечал в 1801 году, что свита *даймё* Икэда Нарикунни из княжества Тоттори меньше, чем свита его князя, в то время как годовой доход Тоттори превышал доходы Тоса более чем на 100 000 *коку* риса. ¹⁴⁸

Во время пересечения процессий на дорогах члены каждой процессии пытались выглядеть наиболее солидно и угрожающе, так как вступать в открытую конфронтацию было запрещено. В целом, уже к середине эпохи Токугава, на протяжении которой отсутствовали военные столкновения и конфликты, размеры и пышность процессий оставались одним из немногих аспектов, в котором *даймё* могли «посоревноваться» друг с другом, потому ни один из князей не решался на резкое сокращение расходов, связанных с системой *санкин ко:тай*, какими бы обременительными они не были.

Исполнение долга в рамках системы *санкин ко:тай* рассматривалось так же как разновидность военной службы. Процессия выстраивалась таким образом, что бы в случае необходимости она могла вступить в бой. Внутри они делилась на группы, у каждой из которой был свой командир, а вместе они объединялись в формирование, подчиняющееся советнику-*каро*:. Положение в процессии того или иного вида оружия так же отражало

¹⁴⁷ Quoted in Craig A.M. Chōshū in the Meiji Restoration. Lanham, Boulder, NY, Oxford: Lexington Books, 1961. p.78.

¹⁴⁸ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.70.

порядок применения этих орудий в бою: на передовых позициях располагались ружья, затем луки, после копья и верховые воины.¹⁴⁹

На военный же характер процессий неоднократно обращали внимание и чиновники правительства, запрещая привлекать к шествиям наемных «парней» - *якко*, главная задача которых состояла в демонстрации «военного искусства» на деле более схожего с акробатическими элементами.¹⁵⁰

Система *санкин ко:тай* изначально являлась продолжением практики регулярных посещений двора сёгуна, существовавших в более ранние эпохи, и практики заложничества, широко распространенной в высших кругах самурайства. Визиты в столицу служили своего рода политическим ритуалом, через который удельные князья утверждали себя как вассалов правителя. Одновременно с этим система выступала как средство контроля центрального правительства над периферийными территориями: высшие чины каждого княжества были «на виду» у центрального правительства во время своего проживания в столице. Кроме того, по велению сёгуна каждый *даймё* был обязан предоставить возможность прохождения по своим владениям всем иным князьям, следовавшим в Эдо. По сути, это так же являлось вмешательством центрального правительства во внутренние дела княжеств-*хан*, в начале эпохи фактически являвшихся автономными политическими единицами. Князья не просто впускали на свои земли правителей других, таких же автономных политических единиц, но пускали их вместе со своими воинами, что являлось потенциальной угрозой.

Необходимость проводить практически половину своих жизней вдали от уделов, активное вовлечение князей в столичную политическую жизнь и иерархию мешали упрочнению связей между *даймё* и его административным аппаратом с населением княжества и превращали князей более в столичных жителей, нежели полноправных правителей своих земель.

¹⁴⁹ Ibid. p.95.

¹⁵⁰ Ibid. p.73.

Расходы в рамках системы, в первую очередь связанные с поддержанием престижа князей и должного уровня жизни в столице, так же служили фактором, предупреждающим возможные бунты и заговоры – на них просто не хватало бы средств. Высокая стоимость жизни в столице и расходы на процессии со временем дали *бакуфу* возможность использовать систему для осуществления действий, которые в сложившихся условиях воспринимались как вспомогательные – отсрочки и отмены визитов в столицу. Существуют свидетельства, когда визиты откладывались или отменялись в качестве помощи в экономически тяжелые для княжества времена (стихийные бедствия, голод, реформы) или в качестве благодарности за оказанную *бакуфу* услугу.

Сами передвижения процессий рассматривались так же как своего рода военные учения или смотры, в рамках которых каждый князь демонстрировал сёгуну свою возможность привести под его начало воинское формирование, обученное и готовое к ведению боевых действий.

3.2 Процессии *даймё* как способ демонстрации власти.

По своей сути система *санкин ко:тай* была разновидностью политического ритуала, с помощью которого прямые вассалы правителя – *даймё* демонстрировали *бакуфу* свое подчинение и смирение, однако, одна из частей этой системы – процессии князей, приобрела и иное, не менее важное, значение в политической жизни государства.

Данная функция схожа с функциями парадов европейского образца и направлена на повышение авторитета центральной власти. Традиционно для Японии правитель, в данном случае, сёгун, был фигурой сокрытой от глаз подавляющего большинства, далеко не все представители даже привилегированного класса самурайства могли воочию наблюдать «главнокомандующего», не говоря уже о более широких слоях населения. Однако, широким слоям населения было доступно наблюдать по меньшей

мере раз в год процессии князей. Именно они в сознании населения представляли всю силу и мощь *бакуфу*. Рассказы о величии и убранстве процессий тех или иных княжеств передавали из уст в уста, о них писали стихотворения, пели песни дети.

Однако, маловероятно, что *даймё* тратили бы большую часть своего дохода только для того, чтобы прославить сёгуна. Процессии так же служили инструментом повышения политического престижа и каждого из князей в частности. Как было упомянуто ранее, процессии являлись разновидностью воинской службы для князей, потому демонстрировался именно военный потенциал каждого княжества. Шествия по территории своего удела должны было производить впечатление на местное население и предотвращать мысли о бунте, этим объясняются случаи увеличения процессий князей на время прохождения по своим территориям, описанные в первой главе. Марш по территориям соседей так же должен был производить впечатление уже на них и так же служил для повышения авторитета князя, но уже «среди равных».

Процессия¹⁵¹ во всей своей полноте служила символом статуса. Ее размер, одежда свиты князя, присутствие тех или иных предметов вооружения или скарба – все имело значение и регулировалось правительством. В своем описании процессии *даймё*,¹⁵² Кемпфер не раз акцентировал внимание на гербовых знаках каждого *даймё*, которые располагались на длинных ящиках – *нагамоти* (長持ち), в которых перевозился основной багаж процессии, украшены ли они позолотой. Однако помимо этого явного признака статуса *даймё* имели значения и другие атрибуты, например количество украшенных копий и *хасамибако* (挟み箱 – лакированные короба, прикрепленные к жердям, носились на плечах) и их положение в строю.

¹⁵¹ См. приложение 6.

¹⁵² См. приложение 2.

Одним из важнейших подобных знаков являются «копья с перьями» (毛槍 – *кэяри*) которые Кемпфер именуется «государственными пиками». Важным было количество копейщиков, идущих спереди и позади паланкина господина. Князя *госанкэ* могли использовать четыре копья (два спереди, два сзади), *даймё* Сацума и Сэндай, в общей сложности позволялось три копья (два спереди, одно сзади). Князя меньшего статуса имели право только на одно или два. Наличие двух по бокам было знаком отличия и для того, чтобы поместить их в строй требовалось разрешение *бакуфу*. Форма копья так же имела огромное значение, равно как и цвет. Красная рукоятка, к примеру, была символом пролитой на поле боя крови, знаком верности сёгуну и воинской доблести. Для украшения пик использовались черные и белые лебединые перья, шкуры обезьян и даже кожа морской выдры, которые были знаком отличия свиты князя Мориока и Сэндай соответственно. Пики, использовавшиеся в процессии княжества Тоса были украшены характерными длинными хвостовыми перьями декоративной породы петуха *онагадори* которая была выведена специально для получения уникального типа перьев для украшения копий, что сделало бы процессию узнаваемой.¹⁵³ Принимая во внимание важность копья как символа статуса *даймё*, чести нести его удостоивались наиболее крепкие, высокие и привлекательные мужчины, зачастую не владеющие мастерством боя с копьем в должной мере.

Хасамибако так же являлись не только средством транспортировки одежды князя. На коробе-*хасамибако даймё* ставил свой фамильный герб, и особым знаком отличия было тиснение золотом. Иметь тисненый золотом герб позволялось только двадцати двум *даймё*. В строю *хасамибако* помещались до и/или после паланкина князя. Эти ящики были небольшими по размеру и не могли вместить сколько-нибудь значимый объем багажа, они исполняли более декоративную роль.

¹⁵³ Vaporis C.N. Lordly Pageantry: The Daimyo Procession and Political Authority/ Japan Review №. 17 — International Research Centre for Japanese Studies, National Institute for the Humanities, 2005. p.31.

Само присутствие определенных объектов указывало на положение *даймё*. Иметь в составе воина с *нагината*, например, было разрешено только тридцати одному дому князей. Переносные чайные наборы также была дозволены ограниченному числу *даймё* – около тридцати, каждый из которых обладал наделом с доходом более 100 000 *коку* риса.¹⁵⁴

Те или иные знаки отличия жаловались сёгунатом лично *даймё* за какие-либо заслуги. Так второй *даймё* из рода Намбу, Тосинао, получил в дар от первого сёгуна, Токугава Иэясу, тигриные шкуры, которые впоследствии использовались для украшения сменных лошадей *даймё*. Они служили символом исторических отношений между двумя домами. То же самое можно сказать об алых кожаных сумках, использовавшихся для покрытия мушкетов, которые были пожалованы дому вторым сёгуном, Хидэтада. Знаки отличия можно было получить в дар, но так же у *даймё* была возможность ходатайствовать об их получении самому. К примеру, *даймё* Айдзу, просил разрешения на использование лакированного паланкина для князя, трех копий в сопровождении паланкина и тигриную шкуру для покрытия седла князя. Данный запрос был сделан после того, как *даймё* успешно завершил период службы в качестве посланника *бакуфу* при императорском дворе. Разрешение на использование всех трех элементов было получено, и может быть истолковано как знак признательности за службу князя Айдзу. Однако, год спустя, глава Айдзу снова выступил с прошением об использовании золотого теснения на *хасамибако*, и на сей раз все сложилось не столь удачно: использовать такого рода *хасамибако* разрешили только за пределами Эдо.¹⁵⁵

Во время прохождения процессии по малонаселенным участкам страны процессия могла передвигаться достаточно свободно, сохраняя, однако, темп движения, но перед вступлением в поселение участники приводили в порядок и себя, и построение процессии. Вступать в города и иные

¹⁵⁴ Ibid., p.30.

¹⁵⁵ Vaporis C.N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. pp.98-99.

населенные пункты полагалось со всем достоинством, иногда этот процесс сопровождался демонстрацией воинского искусства или демонстративным зажиганием фитилей ружей, переносимых процессией. Движение процессии Кемпфер описывает следующим образом:

«Чрезвычайно любопытно и достойно удивления, как все эти лица, составляющие нескончаемую свиту, одетые в черные шелковые платья (все, кроме носильщиков пик, лакеев при норимонах и ливрейных служителей), идут в удивительном порядке, с важностью, которая им очень пристала, и в таком безмолвии, что слышны только шелест одеж и топот лошадей и людей; неразлучный со всяким движением. Но с другой стороны, европейцу покажется очень странным, что носильщики пик и слуги при норимонах поднимают одежду и выказывают наготу своих ног зрителям. Еще страннее и смешнее шуточная пляска, в которую пускаются носильщики пик, зонтиков, шляп, сундучков, и все ливрейные лакеи, когда проходят по значительному селению или городу, или когда проходят мимо свиты другого князя или вельможи. При каждом шаге они поднимают ногу до самой спины, протягивая руки перед собою как будто хотят плавать по воздуху. В то же время, соображаясь с прочими своими движениями, они потрясают пиками, шляпами, зонтиками, сундучками, корзинами и всем, что у них в руках. Лакеи при норимонах засучивают рукава до плеч и ходят с обнаженными локтями; они несут шесть норимона на плечах или на ладони, поднимая руку выше головы. В таком положении они протягивают другую руку вперед горизонтально, и этим, равно как и маленькими мерными шагами, держа прямо ноги, показывают страх и осторожность, до крайности смешные».¹⁵⁶

Следует отметить, что не только европейцы находили данную манеру «марша» несколько странной. Сын Мацудайра Саданобу, Синко, так же находил подобный элемент несколько чрезмерным, отмечая, что «они (*якко*) поднимают свои руки и ноги в ритме (в определенных местах дороги), но не

¹⁵⁶ Tsukahira T.G. Op.cit. pp.230-231.

могут держать этот ритм и пять *ри*». Другой конфуцианец Дадзай Сюддай так же критически описывал данную манеру марша как «демонстрирующую высокомерие». Критически внешний вид и поведение свиты князя оценивали и простолюдины, так, в произведении «По Токайдо: на своих двоих» один из главных героев, Ядзи, сравнивает членов шествия с мужчинами столичного квартала Ёситё:, предлагавшими услуги сексуального характера.¹⁵⁷

3.3 Взгляды современников на систему.

Марш был не единственной частью системы, которая подвергалась критике со стороны современников. Большинство мыслителей и политических деятелей, затрагивающих в своих трудах систему *санкин ко:тай*, сходились в мысли о том, что ее внедрение и функционирование в качестве политического ритуала было необходимо, особенно, в период становления нового правительства Токугава, однако критике подвергались некоторые ее последствия.

Наиболее дискуссионным и критикуемым стали экономические эффекты осуществления системы. Уже в первые десятилетия после введения со стороны ученых высказывались сомнения в целесообразности системы в том виде, в котором она существовала. В своем произведении «*Дайгаку вакумон*» философ Кумадзава Бандзан (1619-1691) отмечает, что систему стоит реформировать, дабы оживить политическую и экономическую жизнь государства. Система называлась главной причиной обеднения и ослабления *даймё*, которые, в свою очередь, влекли иные экономические проблемы:

«Если *даймё* являются банкротами и самураи обеднены, их поборы с людей тяжелеют, и крестьяне страдают. Если крестьянство беднеет, купцы и ремесленники аналогичным образом будут страдать. Кроме того, вырастет

¹⁵⁷ Дзиппэнся Икку. То:кайдо:тю: хидзакуригэ (На своих двоих по тракту То:кайдо:). Токио, Иванами сётэн, 1958. с. 54-55.

количество безработных самураев, которые будут подвергаться воздействию холода и голода... Обнищание – худшее из зол для страны».¹⁵⁸

Конфуцианец Огю Сорай (1666 – 1728) так же отмечал, что система *санкин ко:тай* ведет в первую очередь к обеднению князей, но так же и более пагубно сказывается на общей экономике. В своей работе «*Тайхэйсаку*» он отмечает, что «жизнь в гостинице», в которую превратилась столичная жизнь, вынуждает людей ежедневно покупать различные товары, следовательно, повышает важность денежных средств. В долгосрочной перспективе это могло привести к банкротству всего военного класса, начиная от самураев и заканчивая *бакуфу*. *Даймё* и их подчиненные, будучи при исполнении служебных обязанностей в Эдо, продавали рис, полученный в качестве дохода, чтобы получить наличные деньги на покупку товаров и услуг, а также предаваться удовольствиям города. И даже в тех случаях, когда сами князья не тратили средства на личные удовольствия, они были вынуждены тратить все более крупные суммы денег из-за высокой стоимости жизни в Эдо. Кроме того, поскольку сёгун и его вассалы совершали покупки на этом же общем рынке, казна *бакуфу* также страдала. В действительности, с экономической точки зрения система была выгодна лишь торговцам, в то время как страна в целом была бедной.¹⁵⁹

Все критики системы сходились во мнении, что она чрезвычайно пагубно сказывается на жизни в столице, провоцируя перенаселенность и непрекращающийся рост цен на товары и услуги, вынуждающий тратить все более крупные суммы денег всех жителей Эдо. Экономика столицы выглядела процветающей, но в действительности, она была своеобразным «мыльным пузырем» и могла обрушиться в один момент.

Накаи Тикудзан (1730-1804) в своей работе «*Со:бо: кигэн*» отмечает, что процветание столицы во многом является лишь «внешним» и не имеет

¹⁵⁸Quoted in Tsukahira T.G. Op.cit. pp. 105-106.

¹⁵⁹ Ibid. pp. 111-112.

ничего общего с процветанием «истинным». По его мнению, оно слишком зависело от низших слоев городского населения, привлеченных в столицу возможностью заработка во временном услужении у князей. Эти горожане не занимались сколько-нибудь полезным трудом и не принимали участия в управлении государством, а лишь провоцировали перенаселенность города. Потребляя большое количество еды и питья, эти «паразиты» держали цены на предметы первой необходимости высокими. Даже во времена стабильного урожая они создавали нагрузку на систему питания, так что всякий раз, когда поставки продовольствия из Осака задерживались, Эдо страдал от недостатка пищи. Накаи отмечал, что в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, таких как иностранное вторжение, *даймё* должны будут отправиться в свои уделы для подготовки обороны страны, и это обрушит экономику как столицы, так и страны в целом и станет катастрофическим дополнением к потенциальной внешней опасности.¹⁶⁰

И Кумадзава Бандзан, и Огю Сорай, и Накаи Тикудзан находили систему бесчеловечной как по отношению к князьям и их семьям, так и по отношению к тем вассалам и самураям, которым приходилось проводить в столице вместе с господином значительную часть своих жизней. Жизнь в столице в том виде, в котором она существовала к середине эпохи Токугава, так же пагубно сказывалась на морально-этическом облике самураев и горожан.

Первейшим шагом по решению проблем, связанных с системой *санкин ко:тай* должно было стать сокращение срока пребывания в столице или уменьшение частоты визитов¹⁶¹ и переселение жен и детей князей в их домашние уделы. Так же отмечалось, что необходимо сократить число подчиненных, которых каждый князь берет с собой в столицу.¹⁶² С

¹⁶⁰Ibid. pp. 121-122.

¹⁶¹ McMullen J. Idealism, Protest, and the Tale of Genji: The Confucianism of Kumazawa . Oxford:Clarendon Press, 1999. P.427.

¹⁶² McEwan J. R. Op.cit. p.72.

освободившейся землей каждый из критиков предлагал поступить исходя из своих взглядов на экономическую ситуацию в стране. Так, Кумадзава Бандзан предлагал распахать участки под рисовые поля¹⁶³, а Накаи Тикудзан – отдать их купцам и ремесленникам, чтобы те смогли сформировать самодостаточную экономику в столице и способствовать развитию местной промышленности.¹⁶⁴

Однако, вместе с осознанием отрицательных эффектов системы *санкин ко:тай*, в умах правящего класса она понималась как необходимый и неотъемлемый институт, сформированный Токугава Иэясу и его ближайшими наследниками, их наследие, а потому не подлежащий не только расформированию, но и реформированию вообще.

Так, в 1722 году сёгун Ёсимунэ заявил своему советнику Муру Кюсо (1658-1734) что так как система *санкин ко:тай* в ее нынешнем виде является источником чрезмерного неудобства и расходов, как для *даймё*, так и для *бакуфу*, он рассматривает вопрос о возможном ее реформировании. Он отметил, что система заставляет присутствовать в столице более половины общего числа князей. Это не только представляет собой большую финансовую нагрузку для *даймё* и правительства, но и привело к излишнему числу торговцев и ремесленников. В связи с этим, Ёсимунэ рассматривает возможность несколько ослабить систему и обязать дайме посещать столицу раз в три или пять лет. Задача Муру состояла в выяснении целесообразности данных реформ.¹⁶⁵

Муру провел исследование и предоставил его результаты в виде докладов, позднее собранных и опубликованных под названием «*Кэнкароку*». В своих докладах он высказался против какого-либо вмешательства в функционирование системы.

¹⁶³ Tsukahira T.G. Op.cit. p.108.

¹⁶⁴ Ibid. p.122.

¹⁶⁵ Ibid. p.114.

«С середины периода Муромати (1333-1573 гг.) *даймё* стали действовать в соответствии с их собственным удовольствием. Они перестали приходить в Киото для получения аудиенции и оставались каждый в своей области. В результате сила и авторитет сёгуна постепенно атрофировалась... После того, как сила Токугава стала велика и убедительна, *даймё* устремились в Эдо, чтобы воздать ему должное... Сила *бакуфу* была так велика, что было установлено, что *даймё* будут отчитываться в Эдо каждый год и проводить год в столице. Князья все следовали этой договоренности и по сей день пунктуально и правильно выполняют свой долг. К тому же, так как их жены и дети находятся в столице, все они стали считать Эдо своим домом. Они не считают *санкин* обременительной ни в малейшей степени. Кроме того, эта система является символом власти и основой безопасности *бакуфу*. Она является частью установленного порядка. Поэтому, если правила *санкин* изменятся, *бакуфу* ослабеет. *Даймё* будут рассматривать их пребывание в Эдо как нечто временное и их пребывание в уделах будет приобретать все большее значение. Если это произойдет, провинции перестанут смотреть на Эдо и государство будет ослаблено».¹⁶⁶

По всей видимости, это отражало общее отношение к системе всего правительства Ёсимунэ, которое, в целом, отличалось достаточно прогрессивными взглядами. Об этом нам говорит сам вид той единственной реформы, которая была принята в отношении системы *санкин ко:тай*. Послабления и сокращение сроков пребывания в столице для *даймё* были предоставлены им в 1722 году, но подобное решение являлось своего рода извинением перед князьями за то, что *бакуфу* вводит временный рисовый налог *агэмаи*. В 1730 году система была возвращена к своему первоначальному виду.

После двух столетий правления Токугава сами *даймё* считали систему частью естественного порядка вещей. Так, в работе «*Со:бо: кигэн тэkitи*»,

¹⁶⁶ Quoted in Tsukahira T.G. Op.cit. p.115.

подвергавшей критике трактат Накаи Тикудзан, отмечается:

«*Даймё* пришли к мнению, что они находятся в чужой стране, когда посещают свои уделы и фактически с нетерпением ожидают возвращения в Эдо».¹⁶⁷ Автор утверждал, что *санкин ко:тай* никогда не была системой заложничества, произвольно навязанной сверху. *Даймё* пришли в Эдо по своей собственной воле, и построили свои дома, и поселили свои семьи там с их собственного согласия. Основные аргументы против реформы системы в обобщенном виде выглядели следующим образом: то, что *даймё* без протестов соблюдают практику *санкин ко:тай* на протяжении более двух столетий и предпочитают проводить свою жизнь в Эдо, а не своем уделе означает, что изменение системы повлечет нарушение политики Токугава и чревато всякого рода злыми последствиями. Жизнь князей в Эдо, среди равных ему и в подчинении сёгуна, необходима для поддержания чувства иерархии и укрепления духа послушания, без которых князья стали бы тираническими деспотами в своих уделах. Расходы на *санкин* для *даймё* являются не злом, но добром, потому что они идут на благо народа и удерживают князей от расточительной и экстравагантной жизни.¹⁶⁸

По всей видимости, подобное восприятие системы *санкин ко:тай* характерно для всего правящего класса эпохи Токугава, так как более чем за 200 лет функционирования системы так и не было проведено должной ее реформы.

Со второй половины XIX века, когда над Японией нависла угроза вторжения западных стран, умы представителей правящего класса начала занимать проблема национальной безопасности. В подобных условиях возник новый взгляд на систему как на помеху в создании линии внешней обороны в виду того, что *даймё* были вынуждены тратить большую часть своего дохода в столице, а не в уделе.

¹⁶⁷ Quoted in Tsukahira T.G. Op.cit. p.124.

¹⁶⁸Ibid. pp. 124-125.

Одним из таких сторонников данного взгляда был Мацудайра Сюнгаку (1828-1890), удельный князь Фукуи. Он высказал свое мнение в 1853 году, после первого визита Перри, когда Абэ Масахиро, глава *ро:дзю*, пригласил *даймё* высказать свое мнение о возможном кризисе. Хотя обсуждение внутренней политики не предполагалось, Мацудайра предложил среди прочего ослабить систему *санкин ко:тай*:

«*Даймё* в их нынешнем состоянии обнищания находятся в не том состоянии, чтобы внести свой вклад в защиту страны. Так как расходы *санкин ко:тай* и стоимость поддержки их домохозяйств в Эдо огромны, первые шаги должны состоять в ослаблении долга *санкин ко:тай*, сведении визитов в столицу к одному разу в три-четыре года и разрешении их семьям вернуться домой. Если это будет сделано, появится возможность усовершенствовать наши военные приготовления».¹⁶⁹

Эти замечания, видимо, осталось без ответа, ибо в начале следующего года, Мацудайра вновь поднял данную тему:

«В результате системы *санкин ко:тай* ... *даймё* с трудом покрывают свои повседневные расходы. Мало того, что эта ситуация означает исчерпание ресурсов страны, это способствует ослаблению и ее обороны. Подобное злоупотребление военной силой является глупостью. Поэтому я с уважением призываю осуществить мои предложения, озвученные прошлой осенью».¹⁷⁰

Ответ Абэ, датированный 4-ым днем 3-го месяца 1854 года, по сути, являлся вежливым отказом. Он был впечатлен аргументами Мацудайра, но не считал, что предложение изменить сложившуюся систему было целесообразным в данный момент.

¹⁶⁹ Quoted in Tsukahira T.G. Op.cit. p.129.

¹⁷⁰ Quoted in Tsukahira T.G. Op.cit. pp.129-130.

Однако, осознание необходимости реформирования системы, не отвечающей уже требованиям сложившейся внутре- и внешнеполитической ситуации, продолжало крепнуть. Мацудайра Сюнгаку при участии Ёкои Сёнан был подготовлен план по реформации системы, близкий к полной ее отмене.¹⁷¹

В 15 день 8-го месяца 1862 года было объявлено о реформах, в частности, и реформе *санкин ко:тай*. Срок пребывания в столице был сокращен до 100 дней, сами визиты в столицу сокращались до одного раза в три года. Данные изменения проводились для того чтобы *даймё* уделяли больше времени и ресурсов на экономическое благосостояние своих княжеств и военную подготовку своих вассалов.

Однако, вопреки ожиданиям правительства *бакуфу*, *даймё*, поспешно вывезшие из Эдо свои семьи и оставившие столичные резиденции, занялись именно тем, что пророчили противники реформы системы *санкин ко:тай* – организацией заговоров и иных действий, подрывающих власть правительства. Реформа, которая должна была укрепить авторитет *бакуфу* с помощью уступок удельным князьям, в результате оказалась для него самоубийственным ударом. В 1864 году, поняв катастрофические последствия своего шага, правительство попыталось вернуть систему к прежним нормам, однако, оно уже не обладало достаточным влиянием, чтобы заставить *даймё* подчиниться. Князья-*тодзама* отказались исполнять приказ, и даже князья-*фудай* с извинениями сообщили о том, что не явятся ко двору в назначенное время. Более того, императорский двор выступил с заявлением о том, что, являясь в настоящее время высшим органом власти, он отменяет приказ *бакуфу* как нецелесообразный в виду сложившейся внешней и внутренней ситуации в стране.¹⁷²

¹⁷¹Совастеев В.В. Общественно-политические взгляды Ёкои Сёнан. Известия Восточного института №. S, Владивосток: Известия Восточного института, 1997. с.149.

¹⁷² Эномото Хироаки. Указ.соч. с.179-180.

Система *санкин ко:тай* на протяжении эпохи Токугава являлась своеобразным индикатором авторитета *бакуфу*. В начале эпохи, когда мощь правительства не подлежала сомнению, все требования системы соблюдались неукоснительно, а сами посещения расценивались как прямой долг князей перед государством. И именно участившиеся случаи нарушений посещений как столицы, так и своих домашних уделов, послужили первыми сигналами о потере правительством реальной власти над удельными князьями.

В целом, отношение к системе было двойственным. С одной стороны, негативное влияние на экономическую и, отчасти политическую и морально-этическую обстановку внутри государства были очевидны и обсуждаемы. Однако в тоже время она воспринималась как естественное положение вещей и, в некотором роде, как наследие Токугава Иэясу, а потому не подлежала не только отмене, но и реформации. Не только чиновники правительства, но и сами князья, воспитывавшиеся в рамках данной системы на протяжении нескольких поколений, считали ее необходимой и «доброй», видя в ней не акт политического принуждения с целью контроля, а заботу о благосостоянии, как государства, так и их самих.

Заключение.

Система *санкин ко:тай* была официально оформлена и закреплена в «Кодексе военных домов» в 1635 году, однако первое упоминание о ней присутствует и в первой редакции «*Букэ сёхатто*» от 1615 года, а практика посещения сёгуна и строительство официальных резиденций в столице началась гораздо раньше. На протяжении 226 лет своего функционирования система не претерпела каких-либо значимых реформ, кроме послаблений от 1862 года, которые повлекли полный ее крах.

Основной целью введения данной системы было оформление своеобразного политического ритуала, в ходе которого удельные правители демонстрировали сёгуну свое подчинение. Одновременно с этим система становилась своеобразным рычагом контроля за периферийными территориями – погруженные в заботы о предстоящих поездках князя не имели возможности задумываться о бунтах, кроме того, они регулярно появлялись при дворе и докладывали о каждом своем шаге во время путешествий по стране, что так же благоприятно сказывалось на возможности контроля за ними. Система была внедрена столь искусно, что уже ко второй половине эпохи Токугава князя воспринимали ее как неотъемлемую часть миропорядка, и не только не противились, но приветствовали ее.

Все аспекты системы были строго регламентированы и тщательно инспектируемы со стороны *бакуфу*. Время визитов в столицу, время отъезда домой, количество людей в свите, маршрут и остановки в пути, средство передвижения процессии, использование тех или иных видов оружия в процессии и даже количество копий – все было установлено отдельными правилами.

Система *санкин ко:тай* оказала сильное влияние на экономическое развитие Японии эпохи Токугава как на локальном уровне, так и в масштабах всей страны. Она стимулировала развитие коммерческой экономики и сыграла значительную роль в подготовке Японии к модернизации в XIX веке. В Японии, отрезанной от торговли с иностранными странами, данная система была практически единственным стимулом к росту внутренней торговли и циркуляции объектов материальной культуры с периферийных территорий в столичный регион и обратно. Благоприятно система влияла и на развитие денежной экономики и дорожно-транспортной системы. Основной целью строительства знаменитых «Пяти трактов» было обеспечение сообщения между столицей и периферийными территориями, почтовые станции вдоль дорог так же учреждались для нужд государственных путешественников. Многочисленные процессии *даймё* составляли большую часть всех путешественников Японии вплоть до эпохи Гэнроку (1688-1704) и являлись стимулом развития дорожно-транспортной системы и организации постоянных дворов. Князья так же были ответственны за состояние дорог на территории своих уделов. Благодаря постоянным поездкам *даймё* в столицу и необходимости содержать в ней величественные резиденции активно развивался город Эдо, становясь привлекательным центром миграции беглых крестьян и иного незанятого населения страны. Так же благодаря функционированию *санкин ко:тай* в качестве торгового центра государства развивался город Осака, где большинство князей продавало полученный в качестве натурального налога рис, чтобы обзавестись денежными средствами, столь необходимыми для жизни в столице.

Однако, вместе с положительными наличествуют и явно отрицательные эффекты. В первую очередь, именно система *санкин ко:тай* является причиной, по которой к концу эпохи Токугава финансовое состояние всех княжеств было крайне неутешительным. Необходимость тратить до 70-80% дохода в «трех крупных городах» крайне негативно сказывалась на состоянии

всех административных структур княжества. Кроме того, она явилась причиной, по которой абсолютное большинство товаров со всей страны концентрировались и циркулировали в Эдо и Осака, что создавало экономический дисбаланс. Нельзя так же упускать из виду и того факта, что организация дорожно-транспортной системы и почтовых станций, активно задействовавшая наиболее трудоспособное население деревень, расположенных вблизи дорог, отрицательно сказывалась на объемах урожая и состоянии отдельных деревень.

Однако, не смотря на столь явное влияние на экономическую ситуацию как отдельных княжеств, так и всего государства в целом, система *санкин ко:тай* являлась в первую очередь политическим механизмом. Визиты в столицу служили своего рода политическим ритуалом, с помощью которого удельные князья демонстрировали свое подчинение правителю. Одновременно с этим система выступала как средство контроля центрального правительства над периферийными территориями: высшее руководство каждого княжества находилось «на виду» у центрального правительства во время своего проживания в столице. Кроме того, по велению сёгуна каждый *даймё* был обязан предоставить возможность прохождения по своим владениям всем иным князьям, следовавшим в Эдо. По сути, это так же являлось вмешательством центрального правительства во внутренние дела княжеств-хан, в начале эпохи фактически являвшихся автономными политическими единицами. Князья не просто впускали по велению сёгуна на свои земли правителей других, таких же автономных политических единиц, но пускали их вместе со своими воинами, что являлось потенциальной угрозой.

Необходимость проводить практически половину своих жизней вдали от уделов, активное вовлечение князей в столичную политическую жизнь и иерархию мешали упрочнению связей между *даймё* и его административным

аппаратом с населением княжества и превращали князей более в столичных жителей, нежели полноправных правителей своих земель.

Расходы в рамках системы, в первую очередь связанные с поддержанием престижа князей и должного уровня жизни в столице, так же служили фактором, предупреждающим возможные бунты и заговоры – на них просто не хватало бы средств.

Сами передвижения процессий, численность которых могла достигать до 4-х тысяч человек, рассматривались так же как своего рода военные учения или смотры, в рамках которых каждый князь демонстрировал сёгуну свою возможность привести под его начало воинское формирование, обученное и готовое к ведению боевых действий.

Вместе с тем путешествия процессий по стране так же были наполнены политическим смыслом. Традиционно для Японии правитель, в данном случае, сёгун, был фигурой сокрытой от глаз подавляющего большинства, далеко не все представители даже привилегированного класса самурайства могли воочию наблюдать «главнокомандующего», не говоря уже о более широких слоях населения. Однако, широким слоям населения было доступно наблюдать по меньшей мере раз в год процессии князей. Именно они в сознании населения представляли всю силу и мощь *бакуфу*. Демонстрация населению военной мощи князей осуществляла некую воспитательную функцию, а так же положительно влияла на авторитет центральной власти.

Процессии так же служили инструментом повышения политического престижа и каждого из князей в частности. Процессии являлись разновидностью воинской службы, потому демонстрировался именно военный потенциал каждого княжества. Шествия по территории своего удела должны были производить впечатление на местное население и предотвращать мысли о бунте, этим объясняются случаи увеличения процессий князей на время прохождения по своим территориям и во время

первого въезда в удел нового правителя. Марш по территориям соседей так же должен был производить впечатление уже на них и так же служил для повышения авторитета князя, но уже «среди равных».

Являвшаяся изначально своеобразным политическим ритуалом, на протяжении 226 лет своего функционирования система *санкин ко:тай* была не только рычагом контроля центральной власти над периферийными территориями, но так же и инструментом повышения авторитета власти, как местной, так и центральной, видом военной службы князей и причиной их обнищания, стимулом развития торговли и дорожно-транспортной системы, но в тоже время и тяжким бременем для сельского хозяйства. Она оказала влияние на процессы урбанизации и миграции внутри государства и явилась причиной перенаселенности Эдо и несостоятельности его экономики. Система *санкин ко:тай* являлась настолько важным элементом государственной организации Японии эпохи Токугава, что отголоски ее влияния можно найти практически во всех сферах жизни Японии того времени.

Список использованных источников и литературы.

Источники на русском языке:

1. Зибольд Ф. Путешествие по Японии или Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношениях. Том 1. СПб: Типография А. Дмитриева, 1854. — 386 с.
2. Николаева О.С. Документы по истории японской деревни. Часть 1. Конец XVII – первая половина XVIII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. — 151 с.
3. Подпалова Г. И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII — начале XVIII вв. М.: Изд-во восточной литературы ИВЛ, 1960. — 278 с.

Источники на английском языке:

4. Baba Bunyei. Japan 1853-1864, or, Genji yume monogatari/ translated by Sir Ernest Mason Satow. Tokyo: [Naigwai Shuppan Kyokwai], 1905. — 242 p.

Источники на японском языке:

5. Дзиппэнся Икку . То:кайдо:тю: хидзакуригэ 「十返舎一九。東海道中膝栗毛; На своих двоих по тракту То:кайдо:」 Токио: Иванами сётэн, 1958 . — 503 с.

Литература на русском языке:

6. Жуков А. Е. История Японии. Том 1. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. — 659 с.
7. Жуков А. Е. История Японии. Том 1. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. — 703 с.
8. Колесницкий Н. Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии (IX - первая половина XII века). М.: Издание МОПИ, 1959. — 236 с.
9. Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт +, 2010. — 352 с.
10. Прасол А. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. М. : Астрель: Corpus, 2012. — 527 с.

- 11.Совастеев В. В. Общественно-политические взгляды Ёкои Сёнан. Известия Восточного института №. 5, Владивосток: Известия Восточного института, 1997. — С.139-155.
Литература на английском языке:
- 12.Амух J. A. Sankin kotai: institutionalized trust as the foundation for economic development in the Tokugawa era — California : Shorenstein APARC, 1997. — 26 p.
- 13.Craig A. M. Chōshū in the Meiji Restoration. Lanham, Boulder, NY, Oxford: Lexington Books, 1961. — 385 p.
- 14.Hibbett, H. S. Saikaku as a Realist//Harvard Journal of Asiatic Studies Vol. 15, №. 3/4. — Harvard-Yenching Institute, 1952. — pp. 408-418.
- 15.Ichicawa, H. The Evolutionary Process of Urban Form in Edo/Tokyo to 1900// The Town Planning Review, Vol. 65, No. 2. — Liverpool University Press , 1994.— pp. 179-196.
- 16.Kassel M. Moral Education in Early-Modern Japan: The Kangien Confucian Academy of Hirose Tansō// Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 20, №. 4 — Nagoya: Nanzan University, 1993. — pp. 297-310.
- 17.Shores M. W. Travel and «Tabibanashi» in the Early Modern Period: Forming Japanese Geographic Identity// Asian Theatre Journal Vol. 25, №. 1. — Honolulu: University of Hawai'i Press , 2008. — pp. 101-121.
- 18.McEwan J. R. The political writings of Ogyū Sorai. Cambridge: Cambridge University press, 1969. — 152 p.
- 19.McMullen J. Idealism, Protest, and the Tale of Genji: The Confucianism of Kumazawa . Oxford: Clarendon Press, 1999. — 539 p
- 20.Roberts L. S. Mercantilism in a Japanese Domain: The Merchant Origins of Economic Nationalism in 18th-Century Tosa. Cambridge: Cambridge University press, 2002. — 268 p.
- 21.Saxonhouse G. R. The Stability of Megaorganizations: The Tokugawa State.//Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)/ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, Vol. 151, №. 4 — Tübingen: Mohr Siebeck GmbH & Co. KG, 1995. — pp. 741-747.

22. Sheldon C.D. «Pre-Modern» Merchants and Modernization in Japan//Modern Asian Studies, Vol. 5, №. 3. — Cambridge: Cambridge University press, 1971. — pp. 193-206.
23. Totman C. Fudai Daimyo and the Collapse of the Tokugawa Bakufu //The Journal of Asian Studies, Vol. 34, №. 3 — Cambridge: Cambridge University press, 1975. — pp. 581-591.
24. Traganou J. The Tōkaidō Road: traveling and representation in Edo and Meiji Japan. Taylor & Francis e-Library, 2005. — 267 p.
25. Tsukahira, T. G. Feudal control in Tokugawa Japan: The sankin kōtai system. Cambridge MA: Harvard University Press, 1966. — 228 p.
26. Vaporis, C. N. Linking the Realm: The Gokaidō Highway Network in Early Modern Japan (1603–1868)// Highways, Byways, and Road Systems in the Pre-Modern World . Wiley-Blackwell 2012. — p.90-105.
27. Vaporis C. N. Lordly Pageantry: The Daimyo Procession and Political Authority// Japan Review №. 17 — International Research Centre for Japanese Studies, National Institute for the Humanities, 2005. — pp. 3-54.
28. Vaporis, C. N. Post Station and Assisting Villages. Corvée Labor and Peasant Contention// Monumenta Nipponica, Vol. 41, No. 4 — Sophia University, 1986. — pp. 377-414.
29. Vaporis C. N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2008. — 318 p.
30. Wigen, K. The Making of a Japan Periphery, 1750-1920. Berkeley: University of California Press, 1995. — p. 245.
- Литература на японском языке:**
31. Ватанабэ Ё:ко. *Санкин ко:тай*-ни цуитэ// Катё: хакубуцукангаку кэнкю: [渡邊容子。参勤交代について// 華頂博物館学研究; О системе *санкин ко:тай* // Исследования по музеологии колледжа Катё:] №.5. — Токио, 1998. — С. 27-44.
32. Ёсимура Тоёо. *Санкин ко:тай* но сэйка ни цуитэ но икко:сай// Бангаку-бу ронсо: [吉村 豊雄。参勤交代の制度化についての一考察: 寛永武家諸法度と細川氏// 文学部論叢; Рассмотрение институционализации

- санкин ко:тай*: «Кодекс военных домов» эры Энсуй и клан Хосокава// Журнал по культуре и гуманитарным наукам Кумамото] №. 29 — Кумамото, 1989. — С. 28-49.
33. Канэмаки Нобуаки. Фукуи-но *санкин ко:тай*-ни кансуру киси-тэки ко:сацу// Нара сигаку [鎌田道隆。福井藩の参勤交代に関する基礎的考察 // 奈良史学; Основные размышления о *санкин ко:тай* в Фукуи// Историческая наука Нара] №.29 — Нара, 2011. — С. 31-54.
34. Кё Касэй. Огю: Сорай но «Сэйдан» то «Кэнроку» ни цуитэ - буси дотяку-рон то соно хаикэй-ни ару кики исики/ / Васэда дайгаку дайгакуин бунгаку кэнкю:ка киё: [許家晟。荻生徂徠の『政談』と『鈴録』について - 武士土着論とその背景にある危機意識// 早稲田大学大学院文学研究科紀要; О «Сэйдан» и «Кэнроку» Огю Сорай: теория оседлости воинов-буси и осознание кризиса на ее фоне// Ученые записки по исследованию литературы аспирантуры университета Васэда] №. 58 — Токио, 2012. — С. 73-86.
35. Кокуси дайджитэн. [国史大辞典; Исторический энциклопедический словарь] Т.6 (ко-ма) — Токио: Ёсикава ко:бункан, 1979. — 1130 с.
36. Комада Ко:та. *Санкин ко:тай* сэйд-но иги//Нихон гакусиин киё: [児玉 幸多。参勤交代制度の意義// 日本學士院紀要; Значение системы *санкин ко:тай*// Ученые записки Японской Академии наук] №.52(3) — Токио, 1998. — С. 211-226.
37. Курумида Хироки. Тоттори-хан-но *санкин ко:тай*-ни кансуру со:кэй-тэки кэнкю:// Тоттори кэнрицу хакубуцукан кэнкю: хо:коку [来見田博基。鳥取藩の参勤交代に関する統計的研究// 鳥取県立博物館研究報告; Итоговое исследование по *санкин ко:тай* в княжестве Тоттори// Доклады исследований префектурального музея Тоттори] №.42 — Тоттори, 2005. — С.111-119.
38. Маруяма Ясунари. *Санкин ко:тай*сэй-но ко:дзо то ко:цу: (1): соно собё: // Ко:цу:си кэнкю: [丸山 雍成。参勤交代制の構造と交通(一) : そ

- の素描//交通史研究 ; Структура системы *санкин ко:тай* и дорожно-транспортное сообщение (1): наброски/ / Исследования по истории дорожно-транспортного сообщения] №.15 — Токио, 1986. — С. 1-39.
39. Хаякава Акио. *Санкин ко:тай*-но нэрай-ва: «*Санкин ко:тай*»-но дзюгё:-ни окэру рю:итэн// Кё:ику кэнкю: кикё: [早川明夫。参勤交代のねらいは : 『参勤交代』の授業における留意点//教育研究所紀要; Цель *санкин ко:тай*: Моменты, которые стоит принять во внимание на занятиях по «*санкин ко:тай*»// Ученые записки института исследований в области образования. №.16 — Косигая, 2007. — С. 111-119.
40. Цутида Кадзумити. Бакумацу *санкин ко:тай*-сэй канва-ни миру *бакуфу* кэнрёку но сиццуи// Комадзава сигаку [土田 一道。幕末参勤交代制緩和にみる幕府権力の失墜// 駒澤史学; Утрата *бакуфу* политической силы, проявившаяся в смягчении системы *санкин ко:тай* в период Бакумацу// Историческая наука Комадзава] №.22 — Токио, 1975. — С. 46-60.
41. Эномото Хироаки. Бункю:-но *санкин ко:тай* канва то бакусэй кайкаку-ни цуитэ// Хо:гаку симпо: [榎本 浩章。文久の参勤交代緩和と幕政改革について//法學新報; О смягчении *санкин ко:тай* в эру Бункю: и реформе правительства *бакуфу*// Новые известия по юриспруденции] №. 121(1) —Токио, 2014. — С.151-204.

Интернет-ресурсы:

42. Гокайдо:/ сюкуэки-дзу [五街道/ 宿駅図; Карта Пяти трактов и почтовых станций]. [Электронный режим] URL: <http://kaidouaruki.web.fc2.com/chizu.html> (дата обращения: 13.04.2016)
43. Котобанку [コトバンク; Интернет-словарь] [Электронный режим] URL: <https://kotobank.jp/word/鎌倉番役-1292352> (дата обращения: 12.12.2015)

44. Котобанку [コトバンク; Интернет-словарь] [Электронный режим]
URL: <https://kotobank.jp/word/上米-24895> (дата обращения: 3.01.2016)
45. Курусима Хироси. Гё:рэцу-но дзидаи тоситэ кинсэи – буси, игокудзин, сайрэй-но гё:рэцу кара кинсэисякаи-о кангаэру [久留島浩。「行列の時代」としての近世 - 武士・異国人・祭礼の行列から近世社会を考える; Новое время как «эпоха процессий» - изучение социума в Новое время на базе процессий воинов, иностранцев и религиозных праздников] [Электронный режим] URL:
http://www.hawaii.edu/asiaref/japan/parades/Kurushima_Symposium%20final.pdf (дата обращения 25.04.2016)
46. Сонобэ-хансю санкин ко:тай гё:рэцу-дзу [園部藩主参勤交代行列図; Изображение процессии санкин ко:тай главы княжества Сонобэ] [Электронный режим] URL:
<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sankiko01.jpg>;
<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sankiko02.jpg>;
<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sankiko03.jpg> (дата обращения: 26.03.2016)
47. Уэда Риса. Увадзима Датэ-ка-но санкин ко:тай [上田理沙。宇和島伊達家の参勤交代; Санкин ко:тай дома Датэ из Увадзима] [Электронный режим] URL:
<http://www.city.uwajima.ehime.jp/www/contents/1150209642062/html/mon/other/4e570333030.pdf> (дата обращения 15.04.2013)

Приложения.

Приложение 1. Численность процессий некоторых княжеств.¹⁷³

Княжество	Размер (в коку)	XVII век (год)	XVIII век (год)	XIX век (год)
Акита	105800	1350 (1616)		173 (1855)
Фукуяма	100000	1020 (1682); 1021 (1688)		
Хатинохэ	2000		188 (1797)	210 (1822)
Хиросима	426500	2169 (1663); 1628 (1698)		
Хитоёси	22165		203 (1730)	
Хондзэ:	20400	260 (1677)		
Итиносэки	30000			218 (1831)
Кага	1022700		3000 (1724); 2500 (1745)	3500 (1802); 2238 (1860)
Кии	550000			1322 (1833)
Комацу	10000		57 (1719)	58 (1800)
Кумамото	540000	2720 (1645); 2563 (1680)	546 (1777)	694 (1812); 3000 (1826)
Курумэ	210000		804 (1706)	
Михару	50000			150 (1807)
Мориока	200000	1660 (1634); 800 (1677)		373 (1855)
Нагаока	74000			500 (1818)
Окаяма	315000	1628 (1698)	640 (1720)	
О:мура	27973			139 (1843)
Сацума	770800	1240 (1635)	920 (1749); 559 (1790)	
Сэндай	625600	3480 (1675)		1282 (1842)
Тахара	12000	223 (1696)		
Тоса	200000	1477 (1645); 2775 (1690)	1799 (1718)	
Усики	10017			94 (1860)
Увадзима	100403	535 (1672)	320 (1722)	539 (1800)
Ёита	20000			84 (1833)

¹⁷³ Составлено по материалам Varoris C. N. Lordly Pageantry: The Daimyo Procession and Political Authority. p 38.; Уэда Риса. Указ.соч. с.6.

Приложение 2. Описание процессии *даймё* Ф. Зибольдом.¹⁷⁴

«1) Сначала идут толпы передовых гонцов, фурьеров, секретарей, поваров и других низших должностных лиц, потому что они должны заботиться о помещении, съестных припасах и обо всем, что необходимо для принятия их господина и его двора.

«2) Потом идет княжеский тяжелый багаж в сундучках ... на лошадях (на каждом знамя с гербом и именем владельца), или в огромных ящиках, крытых красною лакированной кожей, тоже с гербом хозяина; их несут на плечах носильщики, сопровождаемые зрителями.

«3) Большое число малых предметов, принадлежащих главным офицерам, важным лицам, провожающим князя, с пиками, саблями, луками и стрелами, зонтиками, лошадьми и другими знаками отличия, которые следуют их чину или должности.

«4) Собственный поезд князя, в изумительном порядке: он разделен на несколько частей; каждую начальствует особый офицер. Вот как он следуют одна за другой, по степени важности: 1) Пять прекрасных лошадей, иногда более, иногда менее, каждую ведут два конюха; за ними по два служителя; 2) Пять или шесть носильщиков, иногда и более, богато одетые, идут гуськом и несут фассамбаки и лакированные сундучки, и ящики и корзины тоже лакированные, где помещены одежда, белье и прочие принадлежности туалета князя; при каждом носильщике два служителя, которые принимают на себя его ношу поочередно; 3) десять человек, или более, тоже гуськом, несут богатые сабли, почетные пики, огнестрельное оружие, в футлярах из лакированного дерева, и колчаны со стрелами и луками; иногда за этими людьми, для большего величия, идет множество носильщиков с фассамбаками, и ведут еще лошадей; 4) два или три человека несут

¹⁷⁴ Зибольд Ф. Указ.соч. с. 228-230.

государственные пики, знаки могущества и власти князя; они на верху убраны петушьими перьями, или жесткими ремнями, или чем-нибудь другим, особенно свойственным владельцу; носильщики пик идут один за другим за каждым из них по два служителя; 5) дворянин несет шляпу, которую князь надевает от солнечного жара и которая покрыта черным бархатом; за ним тоже два служителя; 6) другой дворянин несет князев зонтик, тоже покрытый черным бархатом; за ним два служителя; 7) еще более фассамбаков и лакированных сундуков, крытых цветною кожею с гербом князя; при каждом сундуке два человека; 8) около шестнадцати пажей и каммер-юнкеров князя, богато одетых, идут по два в ряд перед его норимоном; они выбраны из важнейших лиц его двора; 9) сам князь сидит в великономном норимоне; несут его шесть или восемь человек, в богатых ливреях; другие идут около экипажа для смены их. Два или три каммер-юнкера идут у дверцы, подают ему или принимают от него, что он прикажет, и помогают ему выходить из норимона; 10) две или три парадных лошади, с седлами, покрытыми черным бархатом; одна из них несет огромное кресло, иногда тоже покрытое черным бархатом и поставленное на норикако из той же материи; при каждой (230) лошади по несколько конюхов и лакеев в ливреях, а иных ведут даже пажи князя; 11) два носильщика пик; 12) десять человек или более несут огромнейшие корзины, на палках, на плечах, так что одна корзина спереди, другая сзади; они служат не существенно, а только для церемонии; иногда, для увеличения толпы, к ним присоединяют несколько носильщиков фассамбаков. За собственным конвоем князя шествие продолжается так:

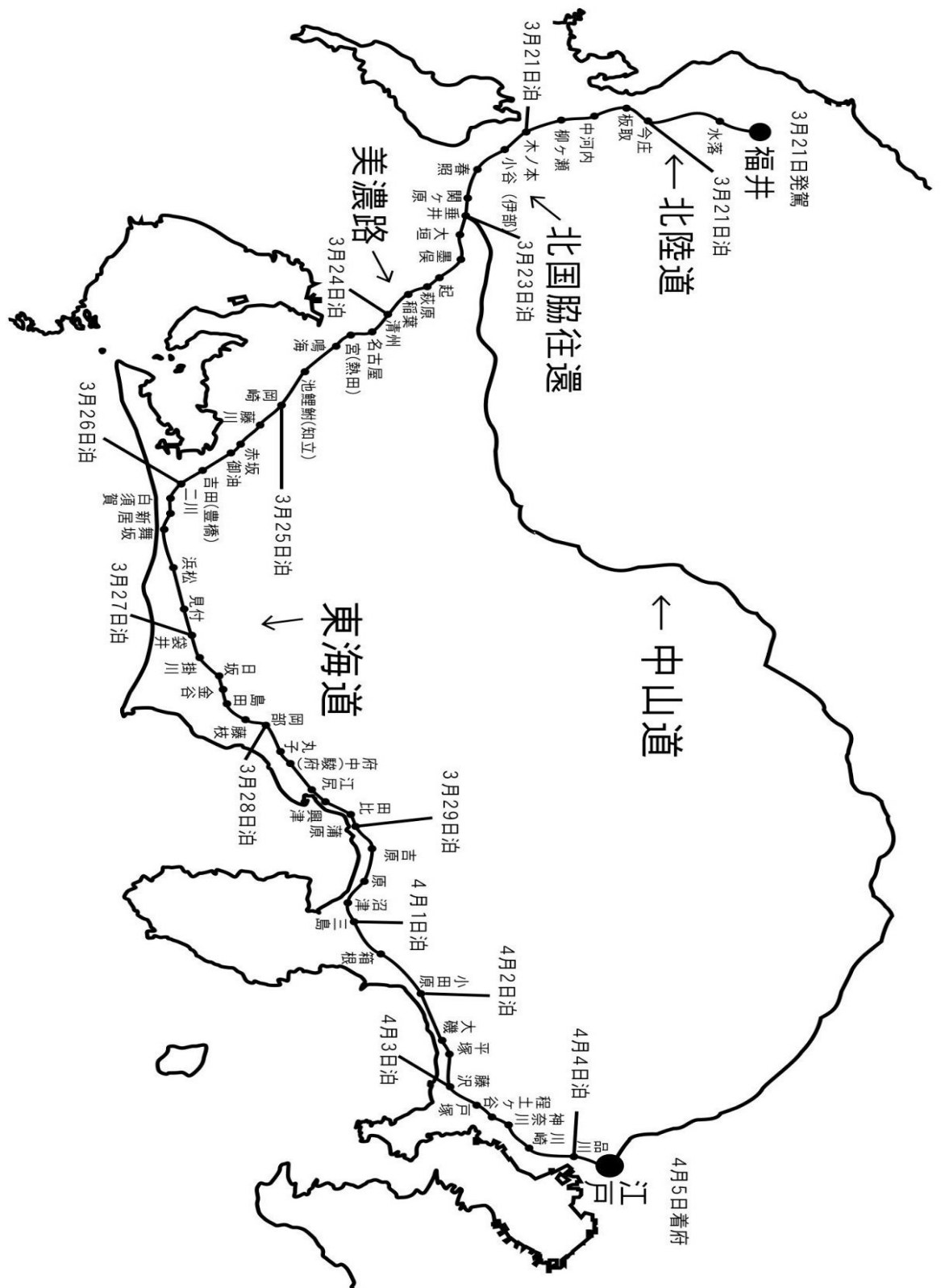
«5) Шесть или двенадцать лошадей; ведут их конюхи и служители, все в ливреях.

«6) Толпа княжеских служителей и других должностных лиц его двора, с их принадлежностями и слугами, которых не мало: все они несут пики, фассамбаки, и в ливреях. Некоторые из служителей и должностных лиц несут

в канго. Всю эту толпу ведет главный гофмейстер князя; несут его в великолепном норимоне.

«Если в путешествии находится сын князя, то он непосредственно следует за отцом, со всем своим особенным кортежем».

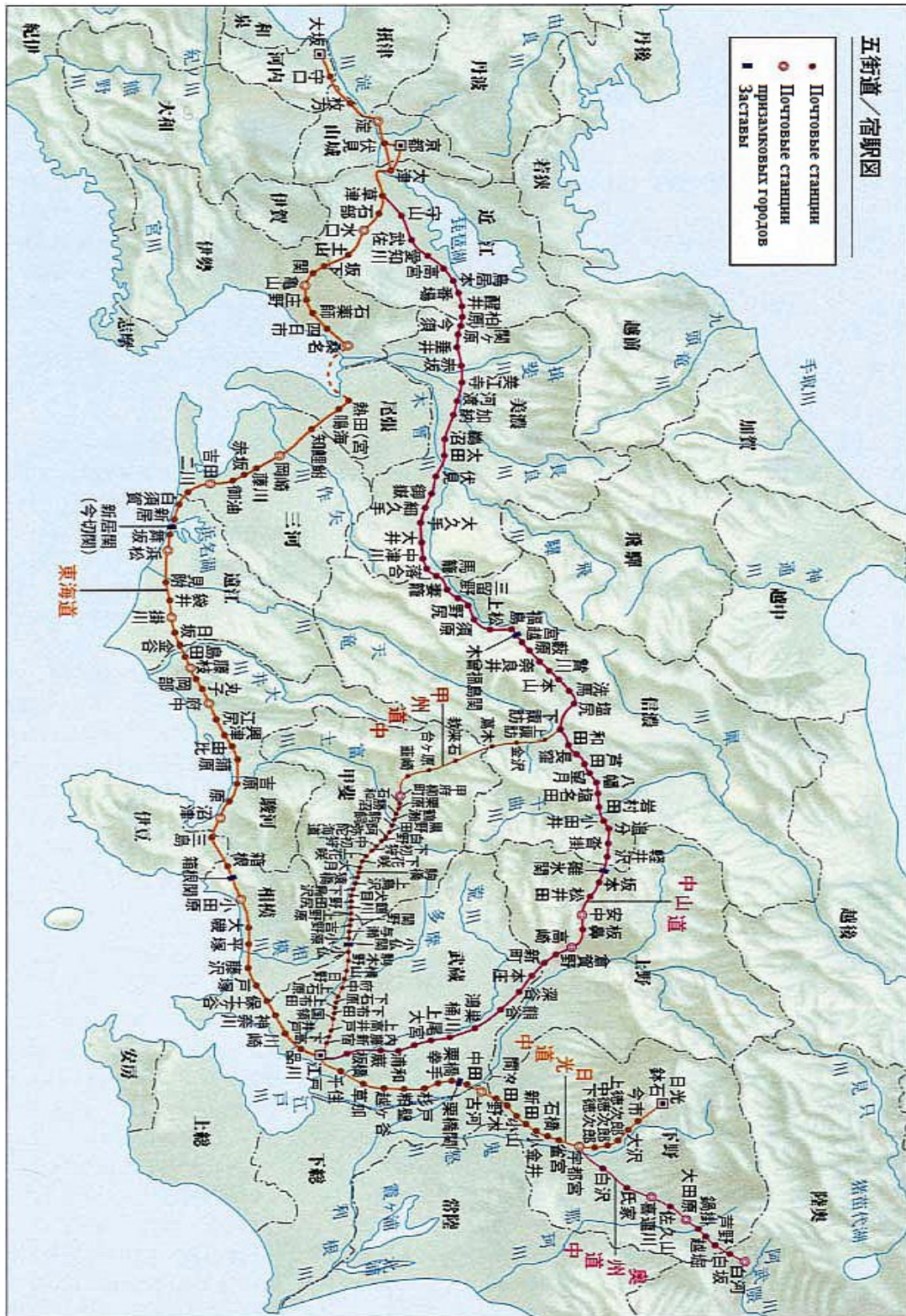
Приложение 3. Маршрут путешествия в столицу Мацудайра Ёсинага в 1845 году.¹⁷⁵

¹⁷⁵ Канэмаки Нобуаки. Указ.соч. с.45.

Приложение 4. Карта дорожной серии гокайдо: и почтовых станций

– сюкуэки.¹⁷⁶

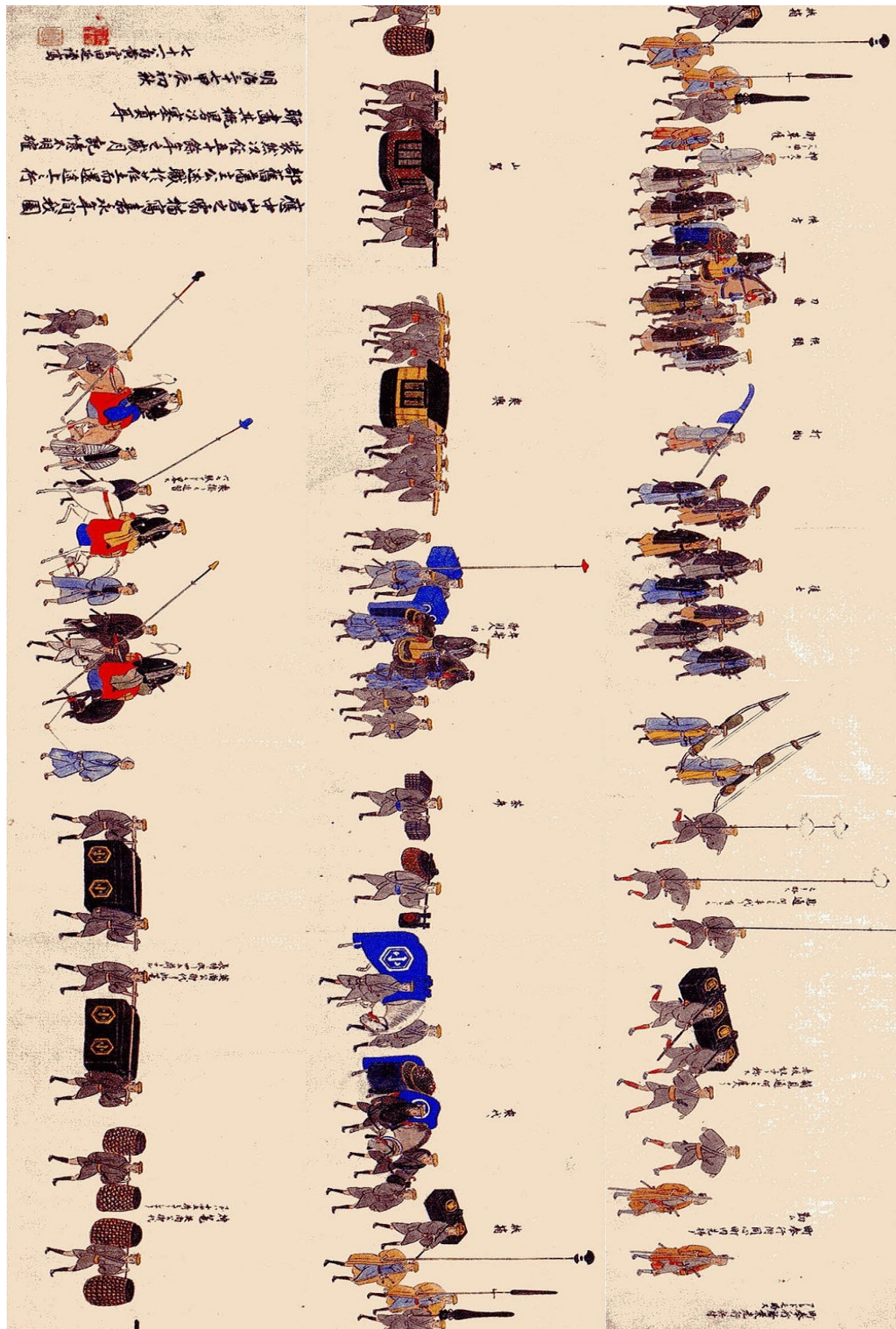
¹⁷⁶Гокайдо:/сюкуэки-дзу [五街道/宿駅図;Карта Пяти трактов и постовых станций]. [Электронный режим]
 URL: <http://kaidouaruki.web.fc2.com/chizu.html> (дата обращения: 13.04.2016)

Приложение 5. Численность населения столичных резиденций для некоторых княжеств.¹⁷⁷

Княжество	Население (год)	В течение <i>санкин</i>
Тё:сю: (369000)	2171 (1750)	
Хиконэ (350000)	5000 (1688-1704)	
Хиросаки (100000)	1280 (1712)	
Идзусю (58000)	819 (1709)	
Мацумото (70000)	1300 (1716-1736)	
Мацуюма (50000)	1000 (1852-1868)	
Вакаса Обама (103500)	1280 (1712)	
Окаяма (369000)	1394 (1698)	3022 (1698)
Сацума (770800)	2000 (1788)	
Сё:най (140000)	435 (1667)	780 (1667)
Таката (150)	200 (1852-1868)	
Тоттори (325000)	117 (1758)	
Увадзима (100000)	150 (1829); 1073-1119 (1859 - 1861)	
Кии Вакаяма (555000)	4000 (1852-1868)	

¹⁷⁷ Vaporis C. N. Tour of Duty. Samurai, Military Service in Edo, and the Culture of Early Modern Japan. p.174.

Приложение 6. Процессия князя Коидэ Фусанори (1829-1855) из Сонобэ во время возвращения из Эдо.¹⁷⁸

¹⁷⁸ Сонобэ-хансю санкин ко:тай гё:рэцу-дзу [園部藩主参勤交代行列図; Изображение процессии санкин ко:тай главы княжества Сонобэ] [Электронный режим]
 URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sankiko01.jpg>;
<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sankiko02.jpg>; <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sankiko03.jpg>
 (дата обращения: 26.03.2016)